

ЛитРес:

Андрей ДЫШЕВ

СЛАДКИЙ ТРИВКУС ЯДА

ЭКСТРИМ - ДЕТЕКТИВ

Андрей Михайлович Дышев

Сладкий привкус яда

Серия «Экстрим-детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162830

Сладкий привкус яда: Эксмо;

Аннотация

Высотный альпинизм – единственный вид спорта, у которого по определению не может быть зрителей. Соперники из последних сил взбираются по крутому подъему, покрытому натечным льдом. На десятки километров вокруг нет никого и ничего, лишь только голубой снег, а разреженный, вымерзший до льдистого звона воздух. Случись что, сюда никогда не поднимутся ни врачи, ни сыщики. Здесь – оборотная грань жизни, преисподняя, космос. Чем не идеальное место свести личные счета!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	19
Глава третья	30
Глава четвертая	37
Глава пятая	45
Глава шестая	54
Глава седьмая	63
Глава восьмая	79
Глава девятая	87
Глава десятая	103
Глава одиннадцатая	114
Глава двенадцатая	130
Глава тринадцатая	138
Глава четырнадцатая	150
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Андрей Дышев

Сладкий привкус яда

Глава первая

Гроза в феврале

Все началось с того морозного февральского вечера, когда внезапно улеглась выюга, молочная поземка покрыла сугробы россыпью ледяной пыли, и на парк опустились фиолетовые сумерки со звеняще колким звездным небом.

Был поздний час. Я провожал Родиона по кипарисовой аллее парка, соединяющей хозяйский белоколонный дом с особняком Родиона, стоящим в глубине парка недалеко от пруда. Мы говорили о предстоящей поездке в Гималаи, где на двухкилометровой стене Ледовой Плахи должны были отснять первые кадры нашего фильма. Родион по обыкновению, по стойкой привычке шел чуть впереди меня, глядя по сторонам несколько рассеянным взглядом, каким любителю природой политик, думая о власти. Я был не только его компаньоном и вторым номером в альпинистской связке. Я был еще и другом, но Родион не думал о таких глупостях, как этикет, с легкостью перебивая меня и часто показывая свою спину. Но я не обижался на него. Единственный сын богато-

го художника, потомственного князя, мыслил категориями наделенного властью денег человека, и я понимал, что иначе он уже просто не может.

Я говорил о том, что в московском магазине „Альпинос“ заказал четыре бухты по пятьдесят метров костромского репшнура¹, изготовленного по швейцарской технологии, но Родион вдруг остановился, повернулся и посмотрел на меня рассеянным, как хвост кометы, взглядом. Наверное, сейчас он видел освещенную мощным солнцем заснеженную вершину Ледовой Плахи, издали напоминающую египетскую пирамиду, вымазанную в беже.

– Четыре бухты мало, заказывай шесть, – сказал он и протянул мне руку. – Будь здоров!

И к этой манере стремительного и неожиданного прощания я успел привыкнуть. Молча пожал Родиону руку, а затем еще несколько мгновений провожал взглядом его рослую и несколько сутулую фигуру.

Я повернулся и пошел обратно. Уже после возвращения из Непала князь предоставил в мое распоряжение уютную мансардную комнату в особняке Родиона. Но тогда, в феврале, я еще жил в центре Арапова Поля, где снимал у пенсионерки комнату.

До главных ворот усадьбы, где круглосуточно дежурила охрана, мне надо было пройти не меньше километра, но не успел я сделать и пяти шагов, как услышал за своей спиной

---

¹ Вспомогательная альпинистская веревка относительно небольшого диаметра.

щелчок выстрела.

Мне показалось, что мое сердце остановилось, и все внутренности превратились в ломкий лед. Ожидание тупого удара в спину или в затылок было столь сильным, что я отчасти внулшил себе боль; мне запомнилось, что я, страдая от этой фантомной боли, скрипел зубами и не мог понять, почему не падаю, почему не гаснет сознание.

Все было, как во сне, где движения тягуче-медленные. Я повернулся, глядя на темную аллею, в конце которой, на снегу, ничком лежал Родион. Кажется, я что-то крикнул и кинулся к нему. В темной норковой шубе он напоминал убитого медведя, но больше всего меня поразило, что в такой беспомощной, нелепой позе у моих ног лежит сильный и властный человек, крепче которого, казалось, стоять на земле не может никто.

Я рухнул перед ним на колени, схватил за плечи и попытался поднять тяжелое тело, чтобы не видеть его брошенным на снег. Но Родион вдруг зашевелился, приподнялся и сел, трясая головой. Если бы он тогда рассмеялся и признался, что разыграл меня, я бы безоговорочно перестал верить в то, что слышал выстрел, и принял бы его за плод собственной фантазии. Но даже в плотных сумерках было заметно, как Родион напуган. Лицо его было настолько бледным, что можно было подумать, будто оно припорошено снежной мукой.

– Что это? – спросил он, до боли впиваясь пальцами мне в плечо. Он смотрел в ту сторону, откуда я только что при-

бежал. — В меня стреляли?

Я тряс его за плечи. Мне важно было узнать другое.

— Ты ранен? — хриплым голосом спрашивал я. — Все цело?

— Да откуда я знаю?! — раздраженно ответил Родион и оперся о мое плечо. — Ну-ка, помоги встать!

Помню, какой ужас наполнил мою душу, когда мы быстро возвращались по аллее, и я уловил едва ощутимый запах пороховой гари — совсем рядом от того места, где я услышал выстрел. И я видел, как Родион, привыкший играть со смертью в горах, вдруг сник и лицо его приняло выражение покорной обреченности.

Мы вломились в кабинет его отца, и Родион, не говоря ни слова, тотчас принялся стаскивать с себя шубу, расправил ее, нашел в складках две маленькие, с палец, дырки, затем швырнул шубу на пол и тяжело сел на диван. Низкорослый, седой, щедедушный, не по годам подвижный князь Орлов, кажется, все понял без слов, схватился за колокольчик, но в коридоре уже гремели ботинками охранники. Потом кабинет стал наполняться служащими и эмоциями. Родион пил водку и отвечал на вопросы начальника охраны односложно и без охоты. Зачем-то зашла глухонемая садовница, одетая в телогрейку, повязанная платком. Мне запомнились ее глаза: сколько в них было бессловесного ужаса! Родион при ней немного ожил, встал с дивана, взял женщину за плечи и громко, артикулируя, сказал:

— Все хорошо! Хорошо! Иди домой!

Потом начальник охраны вернулся – возбужденный от настоящей работы, в которой он был дока, с блестящими живыми глазами, и положил на стол князя полиэтиленовый пакетик с обугленной гильзой для охотничьего гладкоствольного ружья. Родион заставил меня взять в руки рюмку с водкой. Начальник вполголоса докладывал князю про найденные следы, поглядывал на мои ноги, а я пил водку, как нарзан, и не мог оторвать взгляда от ледниково голубых глаз старика.

– Будьте добры, дайте мне ваш ботинок, – попросил начальник охраны, и эта просьба мне показалась просто дикой – фальшивый, чужой нотный ряд в стройной партитуре. Ботинок? Зачем ботинок? При чем здесь мой ботинок?

Он вышел. Я прятал разутую ногу под столом и чувствовал себя голым. Потом обратил внимание, что не могу поймать ни одного взгляда – они выскальзывали, как свежие карпы из рук. Начальник охраны снова вернулся, но уже другим человеком. От него тянуло свежим морозом. Он был подчеркнуто вежлив со мной и даже слегка присел, кладя мой ботинок на пол, а я смотрел на темно-коричневую, с низким каблуком „саламандру“ и на комочки налипшего к подошве снега, которые медленно таяли, превращаясь в темные лужицы. Начальник охраны молча кивнул князю, и всеобщее молчание стало невыносимым, как самая обидная клевета, самое низкое оскорбление, и мне казалось, что голова моя от этого молчания разорвется, словно граната.

Никто никаких претензий мне не высказал, но я чувствовал себя в тот вечер очень, очень гадко, и те удивительные флюиды, которые делали нас с князем едва ли не родными людьми, растаяли, как снежные комки.

Уголовное дело милиция возбуждать отказалась, сославшись на отсутствие состава преступления. Какой-то умник объяснял нам, что грозы в феврале – не такое уж редкое явление, и гром вполне можно было принять за выстрел. А что касается дырок в шубе, то они, дескать, имеют „ярко выраженную проеденную молью природу“. Родион смеялся до слез. Старый князь в сердцах швырнул на пол чернильницу.

Я хорошо представлял, какие чувства испытал старик, едва не потеряв единственного сына. Это была пощечина его чувствам, его безоглядной любви к той земле, о которой столько лет думал и мечтал в эмиграции, где его представления об Арапове Поле, как у всякого влюбленного, были наивны и светлы.

Сказать, что он стал жесток? Или обезумел? Перестал вдруг верить сразу и всем? Не знаю, судите сами... Не важно, сам ли князь придумал дьявольский розыгрыш для первого апреля, или ему кто-то подсказал идею Игры, но как бы то ни было, тяжесть ее для меня оказалась намного большей, чем вес штурмового рюкзака, набитого кислородными баллонами и страховочным „железом“.

– Что будем делать? – спросил он, вызвав к себе меня и Родиона через несколько дней после происшествия. – Устра-

ивать супрядки, пока из нас поочередно яшку не сварят? Я же чувствую: этот выстрел – только начало!

Я думал, что вопрос его риторический, что старику просто хочется выговориться, излить душу, но ошибся. Князь молча ждал от нас ответа.

– Стрелял кто-то из наших, – уверенно сказал Родион. – Я спрашивал у охраны.

– Спрашивал у охраны! – горько усмехнулся князь. – Никогда не знаешь, чего от этой охраны можно ждать... Что предлагаешь?

– Уволить всех к чертовой матери, если доверия к ним нет.

В усадьбе у князя служило человек двадцать пять или тридцать. Уволить, конечно, их можно было. Но где потом набрать новый персонал? В спившемся Араповом Поле?

Я предложил другой путь:

– Пусть каждый наш работник подробно напишет, где и с кем был в тот вечер. Потом проверить показания, проверить свидетелей, которые будут подтверждать их алиби...

Князь поморщился и махнул на меня рукой.

– Кто этой ерундой будет заниматься?

– Могу я, – ответил я.

– У тебя со строительством грота полный завал! Нет, не то! Что больше думать, то хуже... Поступим иначе. Разыграем спектакль, чтобы вся тварь, которая рядом с нами прячется, сразу свою харю показала. Когда вы летите в Непал?

Повторяю, тогда я еще не знал, сам ли князь придумал этот чудовищный розыгрыш, или ему кто-то подсказал идею. Но когда Орлов изложил нам весь план, я думал не о цинизме и риске, а о том, что старик опять доверяет мне как прежде, и радость от осознания этого вытеснила все сомнения. Я безоговорочно принял условия Игры.

По замыслу князя мы должны будем взять с собой в Непал ноутбук с записанной на нем программой пластических вмешательств в лицо человека и „липовый“ договор с бангкокским центром репродукции человека, в котором указать мою фамилию в качестве заказчика пластической операции. Оставив все это на видном месте в базовом лагере, мы в одной связке, без носильщиков, начнем восхождение на Ледовую Плаху. На достаточно большой высоте, куда никогда не сможет подняться профессиональный криминалист и разгадать нашу аферу, мы должны будем симитировать убийство Родиона: оставить альпинистскую веревку с четким следом среза, высотный ботинок с личным вензелем Родиона и прочие предметы, которые любого альпиниста обязательно наведут на мысль о преднамеренном, преступном нарушении правил страховки.

Затем мы с Родионом перевалим через седловину и спустимся в какую-нибудь забытую Богом непальскую деревушку. Там я должен буду остаться и просидеть тихо, как мышь, пару недель, а Родион вернется в Арапово Поле. Но вернется не в роли Родиона, а в роли преступника, изменившего

внешность и ставшего очень похожим на Родиона.

Словом, весь фокус заключался в том, чтобы слухи об убийстве в горах единственного наследника миллионера дополнились версией о пластической операции: Стас Ворохтин, напарник и убийца Родиона, в Бангкоке сделал себе пластическую операцию и принял облик убитого им наследника князя. Превратившись в копию Родиона, он приезжает в Арапово Поле, в усадьбу. Все сотрудники усадьбы будут заранее нашпигованные слухами о чудовищном обмане. И тут, по замыслу князя, и проявятся их истинные лица и истинные помыслы. Тот, кто честен, наверняка откажется работать с „самозванцем“ и потребует вмешательства прокуратуры. А негодяй, стрелявший в Родиона (князь был уверен, что это один человек, от силы – два), раскроется перед „самозванцем“, попытается вступить с ним в преступный сговор, чтобы получить свою долю от наследства. По правилу: рыбак рыбака видит издалека.

Излагая свой план, князь не смог скрыть восторга от предвкушения того, как сильно будет шокирован этот негодяй в день первого апреля, когда Игра будет закончена, князь объявит всем о розыгрыше, и Родион принесет извинения за столь жестокий экзамен на верность.

Мне, точнее, моему имени, выпадала не лучшая роль. Имя Стаса Ворохтина на целых две недели отдавалось на растерзание и поругание работникам усадьбы. Но меня утешало то, что эта жертва преследует благую цель, и я не стал

возражать князю, когда он спросил моего мнения относительно Игры.

Родион тоже не нашел никаких веских аргументов против розыгрыша. Он по своей природе был авантюристом, и с удовольствием шел на рискованные трюки.

Если бы тогда мы знали, чем обернется Игра! Но охваченные азартом, мы не думали о последствиях. Мы чувствовали себя всего лишь ловкими и изобретательными весельчаками, которые взялись крупно одурачить собственный коллектив.

Через две недели мы с Родионом улетели в Непал.

Когда в ноутбук Родиона уже были занесены файлы с моими портретами для программы „Building of a face“, подготовлен „договор“ с центром репродукции на предстоящую операцию Стаса Ворохтина по изменению внешности, Родион вдруг все переиграл. В те дни мы жили в Катманду, в гостинице „Эверест“, и не могли закрыть все свои дела из-за того, что возникли проблемы в министерстве по туризму: нас не хотели пропускать в национальный парк, где находилась Ледовая Плаха. Плюс к этому, мы опоздали в министерство связи, где должны были получить разрешение на пользование радиостанциями. Мы всюду опаздывали, нам всюду не везло. И в довершение всего Родион вдруг начал перекраивать сценарий.

– Знакомься: Никифор Столешко! – объявил Родион, появившись в нашем номере с высоким рыжеволосым мужчиной, коричневый загар на лице которого безошибочно вы-

давал в нем альпиниста. – Мастер спорта международного класса, „снежный барс“, покоритель двух...

– Трех, – вежливо поправил незнакомец и скромно опустил глаза.

– ... трех восьмистысячников! Он будет работать вместо тебя.

Не могу сказать, что я был в шоке, но столь решительный поступок Родиона меня озадачил. Я не мог понять, что за вожжа попала ему под хвост, почему ни с того ни с сего он решил вывести меня из Игры и посвятить в наши тайные планы постороннего человека?

Впрочем, дальнейший разговор все поставил на свои места. Родион усадил Столешко за стол и налил ему водки. Я искоса рассматривал безбровое, лобастое лицо альпиниста, его тонкие губы, мелко выющиеся волосы, которые не нуждались ни в расческе, ни в укладке и не боялись никакого ветра. Сказать, что в первую минуту он мне понравился, значит, сказать неправду, но ничего отталкивающего в облике альпиниста я не нашел. Живет в Донецке, трое детей, в составе сборной Украины участвовал во многих восхождениях шестой, высшей категории сложности. Не скрывает, что испытывает острую нужду в деньгах, потому как сдуру занялся бизнесом и однажды неудачно вложил солидную сумму в поддельный товар.

– Я заплачу тебе двадцать тысяч долларов за восхождение на Плаху! – сказал Родион и барским жестом опустил свою

руку на плечо Столешко. – Устраивает?

– Конечно, – дрогнувшим голосом произнес Столешко и потянулся за бокалом с водкой.

– Тебе надо будет подняться со мной до высоты семи тысяч двести метров, преодолеть седловину и спуститься в деревню Хэдлок.

– Не слышал о такой...

Родион взмахом руки прервал Столешко, словно хотел сказать: не заостряй внимание на второстепенных деталях.

– Там мы с тобой расстанемся. Я окольными путями вернусь в Катманду и вылечу в Москву. А ты должен сидеть в Хэдлоке и две недели носа оттуда не показывать.

На этом можно было бы закончить постановку Столешко задачи, но Родиона прорвало, и он начал подробно рассказывать о нашем плане, не забыв упомянуть о своем знаменитом отце, о выстреле, о бессилии милиции. Я наступал Родиону на ногу, но он не реагировал. Столешко, казалось, слушал невнимательно, но все время кивал головой.

– То есть, – подытожил Родион, – по легенде ты сбросишь меня в пропасть, завладеешь моими документами, переправишься в Таиланд и там изменишь свою внешность. Станешь моей копией. Понятно?

– Не совсем, – ответил Столешко. – Вы хотите, чтобы в эту легенду поверили в России?

– Совершенно верно!

– А кто и как будет ее там распространять?

– А вот это уже головная боль моего друга Стаса Ворохтина! – ответил Родион. – Он у нас будет главным провокатором. Он должен будет убедить и полицию Непала, и наши органы в том, что гражданин Столешко в корыстных целях убил гражданина Орлова и взял себе его внешность.

– Не совсем приятная роль, – с сомнением произнес Столешко, отщипывая кусочек сыра.

– А большие деньги, мой друг, не всегда легко достаются, – заверил Родион.

– А как потом я докажу, что никого не убивал?

Родион всплеснул руками.

– Вот чудак! Зачем тебе надо будет что-то доказывать, когда ты вылезешь из Хэдлока и появишься в Катманду? Скажешь: я Никифор Столешко, „снежный барс“, покоритель двух...

– Трех.

... трех восьмидесяти тысяч. Засветишь свое красивое и честное лицо перед телекамерами. В ответ на это наша доблестная милиция спросит меня: а вы кто, в таком случае? И я отвечу в том же духе: Родион Орлов, бывший эмигрант, сын художника Святослава Орлова...

Я уже не просто наступал Родиону на ногу. Я бил по ней каблуком. Орлов же наваливался на свою цель танком, и всякая мелочь, отвлекающая его от работы или стоящая на его пути, выводила его из себя. Он не выдержал:

– Да что же ты с моей ногой делаешь?!

– Выйдем, поговорим, – процедил я и схватил Родиона за рукав.

Очутившись в коридоре, я бесцеремонно взял его за ворот свитера.

– Ты что творишь? – зашипел я.

– Цыть! – прикрикнул на меня Родион. – Ты зачем дергаешься, чудила? Тебе охота, чтобы твоя имя склоняли во все стороны? Пусть этот парень перед миром позорится, ему деньги нужны!

Видя, что я не нашел, чем возразить, он добавил:

– Пойми же ты! Стоит только один раз попасть в прессу и телевидение с клеймом „преступник“, так потом за всю жизнь от него не отмоешься! Тебе это надо? Нам с тобой еще не один фильм снимать, потому о чистоте имени стоит позаботиться. А спортивной карьере этого парня каюк! От него, как от прокаженного, теперь все отмахиваться будут.

Вроде бы, он меня убедил. Теперь я становился главным провокатором, как с легкостью окрестил меня Родион. После того, как Родион и Столешко уйдут через седловину Плахи в деревню Хэдлок, я должен буду подняться с одним или двумя свидетелями на место „преступления“, найти оставленные там „улики“ и разстрелять об убийстве Родиона по всему Непалу, а потом и по Арапову Полю. И уже после этого в усадьбе появится Родион. Представляю, сколько шишек посыпется на его несчастную голову!

В этот же день мы сочинили письмо, которое Столешко

якобы написал Родиону с просьбой взять его в нашу связку в качестве высотного носильщика. При помощи „полароида“ я сделал несколько портретов Столешко, сканировал их и записал файлы на чистую дискету. Потом переделал „договор“, вписав в него фамилию Столешко.

Кажется, мы предусмотрели все. Столешко потребовал у Родиона всю обещанную сумму сразу и наличными. Когда он пересчитывал купюры, раскладывая их аккуратными стопками на столе, я подумал, что честное и незапятнанное имя тоже стало товаром.

Седьмого марта вертолетом ВВС Непала мы втроем вылетели к подножию Ледовой Плахи, где расположился базовый лагерь американской экспедиции Креспи.

Игра началась.

Глава вторая

Двадцать две тысячи футов над уровнем моря

Я оглянулся, еще медленно подтягивая к себе веревку, но Бадура не увидел – портер² скрывался за перегибом карниза. Я висел над пропастью, почти упираясь темечком в ледяной язык натечного льда. Свободной веревки осталось пять метров. Этого было мало для того, чтобы я мог добраться до небольшой скальной полочки, где можно было бы без риска забить крюк. А здесь, в окружении линз льда, один удар молотка мог обрушить на голову шерпы³ многотонную сосульку.

Ветер крепчал с каждой минутой. Все вокруг затянуло серой мглой. Порывы ветра швыряли в лицо колкий снежный песок. Время от времени исполинское тело горы начинало мелко дрожать, словно где-то вверху проносился тяжелый железнодорожный состав – не выдерживая тяжести выпавшего снега, с крутых склонов одна за другой срывались лавины.

– Почему застряли, сэр?! – по-английски орал снизу пор-

---

² Наемный носильщик-высотник.

³ Народ на востоке Непала.

тер.

Я держался на стене из последних сил. Рука в перчатке шарилась в поисках хоть какой-нибудь полочки, на которую можно было бы ухватиться. Зубья титановых кошек под моей тяжестью крошили лед, белая крошка сыпалась в бездну. Я часто дышал, в голове грохотал колокол, пульсировала в висках кровь. Серое, отдающее холодом тело стены, стояло перед моими глазами. Я прижался к нему всем телом, различая мельчайшие пупырышки и сколы; камень был земным и казался обыкновенным, но эта стена меня не принимала, она будто отвернулась от меня, не желая видеть мое искаженное напряжением лицо и слышать крик, сдавленный зубами. Спасти мог только ледоруб. Я приподнял его, выискивая место, куда можно было вы вогнать отточенный с зазубринами клюв, но снова подавил в себе желание шарахнуть по ледовому языку.

– Сэр! Бадур хочет идти вниз! – донесся до меня голос портера. Интонация была интересной – в ней наполовину угадывался вопрос, наполовину – каприз. Он словно давал мне понять, что пока еще спрашивает моего разрешения, но очень скоро просто объявит мне о своем решении.

У меня не было сил подыскивать в уме ругательства, и в ответ я лишь дернул веревку. Потом прислонился лбом к стене и мысленно сказал ей: "Что ж ты делаешь со мной, гадина?" Клюв ледоруба несильно тукнулся о камень, высекая искру. Черные круглые очки припорошило снегом, и я по-

чти ослеп. Поднял руку еще выше, снова опустил клюв на камень и провел им сверху вниз. Не вовремя загудел зуммер радиостанции. Меня вызывал базовый лагерь. Руки держали на себе мою жизнь, и я не мог даже протереть стекла очков, не то что вынуть из чехла радиостанцию.

Ледоруб сам нашел полочку и зацепился за нее краем клюва. Она была столь ничтожна, что ее по размерам можно было сравнивать с прыщом на лице подростка, и все же ледоруб крепко насел на нее, и я постепенно перенес на него вес тела.

Теперь я мог перевести дыхание и оглядеться. Подо мной разбухал, раздувался, будто в гигантском котле, белый пар, кажущийся плотным, как ватные комки. Он, преследуя нас, постепенно взбирался по стене, обросшим огрызками скал, словно шипами. Еще полчаса, от силы сорок минут – и облако поглотит нас, лишив возможности ориентироваться.

Я снова задрал голову, подтянулся на ледорубе, царапая кошками стену, и чудом сумел ухватиться за свободный ото льда карниз. Потом произвел какой-то немыслимый акробатический трюк и закинул на карниз ногу.

– Гора слушает! – хрипло произнес я в микрофон, сорвав с лица кислородную маску.

– Где вы опять застряли, сэр? – вопил под карнизом Бадур.

Я лежал на узком карнизе, одной рукой сжимая радиостанцию, а второй ввинчивая ледовый крюк в гигантскую

линзу.

– Гора! Ответьте Базе! – запищала радиостанция слабым голосом.

– Уже ответил! Кто говорит?

Крюк ввинчивался с трудом. На каждом обороте ледяная глыба издавала оглушительный треск. Трещина тонкой лентой разделила ее надвое и стала напоминать белый шелковый шарф, вмерзший в лед. Радиостанция представилась женским голосом:

– Дежурный радист.

– Гималайский аферист! – не сдержался я, узнав Татьяну Прокину, эту странную девушку, появившуюся в лагере буквально за день до выхода Родиона на гору. – Представляться надо! Дай микрофон Креспи!

– Не хами, – почти по-родственному посоветовала Прокина.

От моего дыхания решетка микрофона покрылась инеем, который студил губы. Я затянул крюк до упора и навесил на него карабин с оттяжкой, намертво пристегивая себя к ледяной глыбе.

– Стас, где вы? – сухо покашливая, спросил Креспи.

– Двадцать тысяч футов, – не задумываясь ответил я. – До третьего лагеря не больше часа ходу, но видимость нулевая, ветер срывает со стены... Послушайте, Креспи, посадите у станции вместо Татьяны самого тупого шерпу, мне с ним легче будет изъясняться!

Я забыл, что радиостанция в базовом лагере оснащена громкоговорителем.

– Все будет о`кей, – ответил Креспи нейтрально, чтобы не обидеть ни меня, ни Татьяну, наверняка стоящую рядом с ним. – Почему вы не идете на жумарах?⁴

– Потому что веревок нет! – ответил я, переворачиваясь на другой бок и глядя с карниза вниз. – Здесь стена чистая, будто никто до нас ее не проходил!

Некоторое время радиостанция ловила только шум помех. Я представлял, каким недоуменным взглядом смотрит Креспи на Татьяну, а у той взгляд еще более недоуменный, если не сказать глупый, потому что она не понимает и в принципе не может понять сути проблемы.

– Зачем же они сняли веревки? – прохрипел Креспи.

– Не знаю! У меня нет времени думать об этом! Будем идти выше, к лагерю, чего бы нам это ни стоило. Наши запасы кислорода на нуле. Бадур уронил вниз свой рюкзак. Улетели альтиметр<\$FПрибор для определения высоты над уровнем моря.> и еда.

– А как же вы определили высоту? – удивился Креспи, нарываясь на стандартную альпинистскую шутку.

– На глаз! – заорал я, отключая радиостанцию.

Бадур поднимался медленно и тяжело. Капюшон почти полностью закрывал его лицо, и сверху казалось, что на ве-

---

⁴ Это приспособление позволяет альпинисту быстро подниматься по заранее натянутой веревке.

ревке болтается пуховик, словно на вещевом рынке. Движения шерпы были заторможенны, будто он работал под водой. Он загонял передние зубья кошек в лед слабыми ударами без замаха, медленно разгибал колени, медленно передвигал жумар по веревке и вновь подтягивал ногу, как некий тяжелый и малополезный предмет. Я ему хорошо заплатил за этот труд, он нужен был мне в качестве свидетеля, но на горе ценности меняются очень быстро и радикально. Деньги здесь превращались в совершенно бесполезную субстанцию, они даже не горели из-за низкого содержания кислорода в воздухе.

Я начал затаскивать портера на карниз, и он расслабился совсем, превратившись в тяжелый мешок. Я хрипел и орал от напряжения, а он едва шевелился.

– Сэр, Бадур очень устал, – тихо бормотал портер. И что это за привычка говорить о себе в третьем лице? – Дышать трудно...

Я прислонил его спиной к стене, провел перчаткой по его заснеженным очкам и, делая страшный голос, чтобы напугать больше, чем гора, ветер и снегопад вместе взятые, зашипел:

– Ты что ж, паук безлапый, нарочно рюкзак сбросил?! И кислород свой сбросил?! Я же тебя, Санта Клаус копченый, сейчас вниз спущу по самому короткому пути!

Я схватил его за ворот и изо всех сил тряхнул. Бадур крутил головой, кашлял и слабо сопротивлялся.

– Сэр, я замерзаю... – бормотал он. – Ноги прихватило... Не могу...

– Надо идти! – злобно кричал я, растирая рукавицами коричневые щеки шерпы. – Здесь ты подохнешь! А там, наверну, палатка, горячий кофе, кислород... Вставай!

Пока я проводил воспитательный урок, нас изрядно присыпало снегом. Видимость сократилась настолько, что скальные выступы и нависающие глыбы льда можно было различить только в радиусе пяти метров, все остальное было поглощено белой мглой.

Бадур притих. Снег сыпался на его коричневое лицо и не таял. Над полураскрытыми губами едва струился пар. Я скинул с себя рюкзак и вытащил оттуда свой запасной кислородный баллон. Я лишал себя самого главного, что на высоте поддерживало жизнь, но другого способа заставить портера продолжать подъем не было.

Я прижал к его губам и носу маску и поставил кран на максимальную подачу кислорода. Бадур стал жадно дышать. Я мысленно считал в уме секунды.

– Все, пора, – сказал я, поднимаясь на ноги с таким усилием, словно был разбит параличом..

– Бадур не может, – глухим голосом из-под маски отозвался портер. – Прихватило ноги... Ничего не чувствую...

Бессилие и отчаяние хлынули на меня. Я снова схватил портера за пуховик, приподнял его, но тот даже не попытался защититься или встать на ноги, только схватился обеими ру-

ками за маску, чтобы я не смог сорвать ее. Я качнулся и привалился к стене. Мой баллон уже истощился. Запасы кислорода и провианта ждали нас в третьем высотном лагере, но у меня не хватило бы сил затащить туда Бадура на себе. К тому же бескислородное восхождение было чревато отмиранием тканями головного мозга. Но я обязан был добраться до лагеря любой ценой.

— Черт с тобой! — крикнул я портеру, вырывая вмерзший в снег ледоруб. — Жди меня здесь! Я принесу тебе еды!

Что мне оставалось делать? Я лишился человека, который подтвердил бы полиции, что видел в третьем высотном лагере обрезок веревки и ботинок Родиона. Но даже добравшись до лагеря, Бадур уже был бы не в состоянии понимать смысл предметов. Собственно, он вполне мог умереть по пути к лагерю. Наш, казалось бы, безукоризненный план, дал первый сбой.

Я придвинул Бадура вплотную к скале, чтобы он ненароком не свалился с карниза в пропасть, снял с себя пуховик, и накрыл его с головой. Бадур с благодарностью замычал из-под пуховика. Я оставил здесь же рюкзак, веревки и все "железо". Ледяной ветер продувал мой свитер, в котором я остался, насквозь, и я начал быстро остывать. Я здорово рисковал, разоружившись перед горой, но меня грела надежда, что сумею подняться до третьего лагеря в быстром альпийском стиле, а там кислородом и едой восстановлю силы.

Стиснув зубы, я карабкался по заснеженному гребню на-

перекор стихии. Порывисты ветер бил меня в лицо, словно боксер, посылая отрывистые и точные удары. Кошки скрежетали о камень и лед. Каждые три-четыре шага я останавливался, чтобы успокоить дыхание. Кислорода в баллоне уже почти не осталось, и я начал задыхаться. Кратковременный отдых не восстановил сил. Они, словно кровь из раны, уходили из тела независимо от того, стоял я или шел. Я потерял счет времени и не думал уже ни о чем, превратившись в машину, запрограммированную на движение вверх по склону. Перед глазами плыли фрагменты остроугольных камней, обломков льда и снежных дюн. Когда я останавливался, они продолжали плыть, растекаться, растягиваться и сжиматься.

Я крепче натянул на посиневшую от холода руку перчатку и сделал шаг, потом второй, третий... Весь смысл этого подъема заключался в том, чтобы портер был со мной рядом. Он обязательно должен был дойти до палатки третьего высотного... Как тяжело! Как противится, сопротивляется организм этим космическим условиям. Топтать ступени на предельной высоте – это стремительное старение. И все ради чего? Для одних – спортивный азарт, для Орлова – Игра, тест. Нечто лабораторное, что-то вроде центрифуги, в которой гоняют мочу...

Я вспомнил, как Родион предложил мне возглавить строительные работы в его усадьбе на окраине Арапова Поля в Тверской области, на живописном берегу Двины. Я даже приблизительно не мог сказать, сколько это стоило – два-

дцать четыре гектара земли с парком, прудом, беседками, хозяйским домом, библиотекой, гротом, летним театром, конышнями, псарней, домиками прислуг... А отец Родиона тем временем восстанавливал церкви в близлежащих деревнях, строил церковно-приходские школы и открывал личные картинные галереи. Обнищавшие провинциалы смотрели на потомственного князя, как на тронувшегося умом мессию, от которого пользы как от иконы, висящей в углу избы – вроде всемогущий, а денег не выпросишь. Нам вообще не дано понять русских эмигрантов с их гипертрофированным определением истинной ценности...

Моя нога сорвалась с зеркала – тончайшего натечного льда, залившего все зацепки на стене, но я даже не успел испугаться. Когда из-за гипоксии притупляется интеллект, страх тоже становится каким-то мягким и тянущимся, словно жвачка, на которую нечаянно садишься в метро. Несколько метров я летел вниз, потом упал в сугроб лицом вниз, и все вокруг потемнело.

Некоторое время я лежал неподвижно, ожидая продолжения полета в сольном исполнении или вместе с лавиной, а когда понял, что силы гравитации отказываются работать на меня, приподнял голову, сдвинул залепленные снегом очки на лоб и сразу увидел чуть правее и выше распластанную по полочке красную палатку, похожую на большую спящую черепаху.

Это был третий высотный лагерь. Вчера утром Родион

вместе со Столешко вышли отсюда на седловину и час спустя перестали отвечать на позывные базы. Больше суток о судьбе двух альпинистов в базовом лагере никто ничего не знал. Конечно, кроме меня.

Глава третья

Красная палатка

Я не стал тратить на то, чтобы подняться на ноги, и пополз к палатке на четвереньках, как уставший от пастбища баран в свою овчарню. Я разгребал перед собой снег и дрожал от холода, предвкушая чашку горячего кофе со сливками и медом, тепло газовой горелки, представлял, как насытившись и согревшись, надену на обмороженный фейс маску и стану дышать чистым кислородом, и мозги мои просветлеют, очистятся от галлюцинаций и панических мыслей.

Добравшись до полочки, я настолько изнемог, что ничком повалился на красный тент палатки и лежал так довольно долго, мысленно играя две роли, одна из которых приказывала немедленно подняться, а другая просила оставить в покое еще на пару минут.

Родион и Столешко вытащили концы распорок, чтобы палатка распласталась и стала менее подвластна ветру. Я совершал подвиг, загоняя распорки в свои гнезда и придавая "Сьерре" форму купола. Когда, наконец, палатка налилась объемом, я издал хриплый вопль победителя и ввалился через рукав-тамбур внутрь.

Пятизвездочный отель на берегу лазурного моря не ввел бы меня в такой экстаз, как это хлипкое, раскачивающееся

из стороны в сторону жилище – единственное место на горе, защищенное от ветра и способное хранить тепло. Я стоял на четвереньках на клеенчатом полу и понимал, что человеческое счастье на самом деле заключается в отсутствии снега и льда вокруг себя, а все остальное – мелкие прибавки. Мои глаза еще не привыкли к сумеречному фону, которым было наполнено внутреннее пространство, я еще видел перед собой зеленых медуз, но уже слепо шарил руками по бугристому полу, отыскивая газовую горелку, пакеты с порошковым супом, сухофруктами, пластиковые баночки с медом, творожные шарики в шоколаде... Заледенелые перчатки со свистом скользили по полу, но не встречали препятствий. Я двигался по кругу и движения мои становились все более торопливыми. Наконец, я замер, стоя на коленях, и почти с ужасом посмотрел вокруг себя.

Палатка была пуста. В ней не было ни баллонов с кислородом, ни газовой горелки, ни продуктов, ни спальных мешков. Через рваную дыру в потолке, которую я только сейчас заметил, внутрь сыпался снег.

Я принялся обыскивать карманы, нашитые на боковые перегородки. Выворачивая их, я кидал на пол отработанные аккумуляторы, пустые газовые баллончики, обрывки бумаги. Лишь только в тамбурном отсеке, отделенном от жилой зоны, я нашел наполовину исписанную тетрадь и обернутую в полиэтилен дискету, на которую несколько дней назад записал файлы с портретами Столешко и Родиона.

От палатки тянуло сырым могильным холодом. Я полз сюда из последних сил, надеясь влить свежую жизненную струю в свой слабеющий организм, но надежда оказалась обманутой. Что произошло здесь сутки назад? Какая причина заставила Родиона и Столешко вынести неприкосновенный запас, который пополнялся здесь усилиями нескольких связок восходителей? Разве они не знали, что для нас с портером кислород и провиант станут вопросом жизни и смерти?

Мне хотелось плакать от отчаяния и боли, но не было сил выдавить из себя слезу. Затолкав тетрадь и дискету под свитер, я вылез из палатки через дыру и снял ее с себя, словно широкую юбку.

Надежду я похоронил под палаткой, куда на всякий случай заглянул, да еще и порылся в окружающих сугробах. Нет ничего! Вверху – черные камни, перемежеванные с языками льда и косыми застругами снега, внизу – бездонная пропасть, и все высечено хлестким ледяным ветром, отшлифовано снежной крошкой. Мгла наваливалась на крохотный мирок, доступный моему обзору, становилась плотнее, и черные краски в ней набирали силу, вытесняя белый свет, словно мою жизнь.

Я сделал несколько шагов по полочке, и в том месте, где ее вылет сходил на нет, плавно срастаясь с отвесной стеной, выкопал из-под снега высотный люминисцентно-салатовый ботинок "Koflach" с выгравированным на носке вензелем Родиона "OppO".

Спустить ботинок вниз я не смог бы ни за какие деньги. Я закинул его в палатку, выдернул растяжки и засыпал палатку снегом.

– Креспи, – прохрипел я в радиостанцию. – Я спускаюсь.

– Ты где?! – сквозь треск помех долетел голос американца.

– В третьем.

– Ну?! Что?! Где они?

– В палатке никаких следов. Нашел только ботинок Родиона и обрывок веревки.

Креспи понял, что я мысленно похоронил Родиона и Столешко. Он сразу переключился на того, кого еще можно было спасти – таков закон гор.

– Доктор просит, чтобы ты прихватил шприц-тюбик с глюкозой и атропином для Бадура... Слышишь меня?.. И кислород!

– Ну да, здесь целый кислородный склад... Если сможешь, вышли нам навстречу двойку. Я Бадура далеко не унесу. Дай бог самому доползти до него.

– Хорошо, через час выйду на связь!

Что было дальше – я помню смутно. Через час меня привел в сознание сигнал вызова, и я обнаружил себя на карнизе, где оставил Бадура. Портера не было. Я ползал по карнизу, смотрел в пропасть, звал его осипшим голосом, но никто не отзывался. Вместе с Бадуром пропал мой пуховик и рюкзак.

Стемнело. Аккумулятор, питающий лампочку на налоб-

ной повязке, быстро истощился. Я уже не чувствовал ни рук, ни ног и с безразличием воспринимал свои страдания. Я не хотел думать о том, что заставило Родиона и Столешко так бесчеловечно поступить со мной. Поджав ноги к животу и закрыв перчатками лицо, я лежал на краю карниза. Я знал, что умираю, но не испытывал ужаса от прощания с жизнью. Истощенному, обессилевшему человеку воспринимать смерть намного легче, чем цветущему и сильному.

Радиостанция смешно пищала мне в ухо, казалось, что внутри нее сустились какие-то говорящие жучки, скребли мохнатыми лапками по мембране и проводам, а я пытался что-то сказать в ответ, но сил хватало только на разбавленный тяжелым дыханием шепот.

– Стас! Ответь мне! Из второго лагеря к тебе вышла двойка! Они скоро подойдут! Держись! Еще немного...

Держаться было не за что, кроме как за свое лицо. Перчатки, которые я прижал ко рту, побелели от конденсата. Холод, захватив ноги и задницу, уже брал штурмом живот, стремясь проникнуть внутрь меня, выстудить желудок, легкие и сердце, остановить их конвульсии, сковать морозом и тем самым подарить мне счастье остаться на горе вечно молодым и нетленным. Это представлялось заманчивым, намного более заманчивым, чем продолжать жить.

Потом, как во сне, я видел в темноте скользящие по камням и льду световые пятна, слышал крики, скрежет кошек. Кто-то переворачивал меня с бока на спину, связывал мне

ноги веревкой, протыкал иглой сонную артерию, загоняя в кровь огонь, а потом меня долго-долго тащили в спальном мешке по крутому склону волоком, как покойника, и я временами приходил в чувство, слышал скрип снега и видел у самого лица движение ног в ярких ботинках.

В тесной, но прогретой палатке второго высотного лагеря, когда несколько капель горячего супа пробили себе путь между моих опухших от мороза губ, я сумел выдавить из себя несколько слов благодарности двум американцам, которые стащили меня вниз.

– Нет, шеф, никакого отека легких, дыхание у него чистое! – говорил один из них по радиостанции с базовым лагерем. – Только очень устал и обморозил пальцы на руках. С рассветом начнем спуск. Он что-то бредит про обрезанную веревку, но сейчас с ним разговаривать бессмысленно...

Я увидел, как из темноты на меня надвинулось темное лицо Бадур. Отогревшийся, отдохнувший, он сверкал свинцовыми белками и скреб грязными ногтями по щекам, сдирая кожу, которая из-за солнечных ожогов слезала клочьями.

– Будете жить, сэр! – с поганеньким оптимизмом говорил он, прихлебывая подогретую ракшу. – Вы думаете, что Бадур бросил вас и ушел вниз?.. Ай, напрасно! Я за помощью пошел. Я понял, что вас спасти нужно...

Он коверкал английские слова, перекатывая их во рту вместе с жирной ракшей, и воровато поглядывал на возню у тамбура, где мои спасители отстегивали кошки и стаскивали

ботинки.

— Что ж ты пуховик мой на карнизе не оставил, когда по-
нял... — прошептал я.

Мое внимание уплывало вместе со взглядом, и портер, чтобы снова напомнить о себе, тихонько подергал за край моего спальника.

— Очень трудное было восхождение, — тихо шепнул он, склонившись надо мной. — Бадур сильно рисковал жизнью. Надо бы заплатить побольше. Я согласился с вами идти за пятьсот баксов, потому что думал, что погода будет хорошая. А если б знал, что начнется буран... Бадур здоровье на этой горе подорвал. Большая семья в Катманду, шестеро детей...

Силы стоило экономить, но ради такого случая я пустил в ход резервы. Высунув из спальника руку, я не без труда сложил непослушные обмороженные пальцы в кукиш и поднес его к лицу портера.

— Выкуси, а потом сбегай за своим рюкзаком, альпиноид, — прошептал я и снова отключился.

Глава четвертая

Письмоводитель князя

Мораль – самая тяжкая ноша из числа тех, которые мы взваливаем на себя добровольно. Когда я натыкался на грузный от тоски взгляд руководителя экспедиции Гарри Креспи, мораль обрушивалась мне на плечи мокрой лавиной.

Креспи относился к моим доводам, мягко говоря, с плохо скрытым скептицизмом. Мало того, он был уверен, что кислородное голодание и психологическая нагрузка серьезно повредили мой мозг. В то время как я сидел в раскладном кресле, укрытый пуховым спальником, и нервно стучал зубами, Креспи стоял по одну сторону от меня, а экспедиционный врач по другую, и оба с состраданием смотрели на меня.

– И где же эта обрезанная веревка? – мягко спросил руководитель, глядя мне в рот. Мой взгляд был ему неприятен, и чтобы не отводить глаза, он как бы притворился косоглазым. Сосульки на его бороде напоминали хрустальные подвески на люстре, только не звенели, когда начальник дергал головой.

– Там осталась, – ответил я, кивая куда-то вверх. – У меня не было сил вырубить ее из льда.

– Может быть, вам показалось? – спросил врач, заботливо ровняя край спальника на моей груди. Это был даже не

вопрос, а доброжелательное утверждение, нестрашный диагноз, вроде: ты debil, приятель, но это заурядно – в мире очень много дебилов.

– Не надо, доктор. Не надо, – посоветовал я. – Я все прекрасно помню. Это была оранжевая, с голубой оплеткой семимиллиметровка.

– Да мы не о веревке, а о срезе, – поспешно пояснил Креспи и в доказательство своих слов поднял с пола конец репшура. – Вот это, например, обрыв или обрез?

– Обрез, – ответил я уверенно, так как репшнур был мой. – Причем годичной давности. Поэтому он обтрепался и теперь похож на обрыв. Но там я видел совершенно свежий срез.

– Ну хорошо! – теряя терпение, произнес Креспи. – Я могу вызвать полицейский вертолет. А что будет, если полиция квалифицирует этот сигнал как ложный вызов? Мне придется оплатить перелет в оба конца.

– Я оплачу. Только не тани с вызовом, Креспи.

Креспи и врач переглянулись. Руководитель нервничал. Он не хотел неприятных разговоров вокруг экспедиции, спонсором которой была известная итальянская фирма "Треккинг", производящая горное снаряжение. Экспедиция носила рекламный характер, и вызов полиции в базовый лагерь мог повредить делу.

– Ну, что же ты молчишь? – прервал я затянувшуюся паузу.

Руководитель, высохший от возраста и любви к горам, белизну коротких волос которого оттеняло загоревшее до черноты лицо, стащил зубами рукавицу, кивнул врачу головой и что-то неслышно сказал. Решение выходило из него мучительно медленно. Я понял, что он сказал "о`кей", но скорее пока только для себя.

– А о чем говорить? – сглаживая слабование Креспи, ответил врач. – Вы пока не убедили нас в необходимости полиции. Мы должны выслушать Бадура.

– Бадур до третьего лагеря не дошел. Потому ничего интересного он не скажет, – возразил я.

– Выздоровливай! – категорично потребовал Креспи и протянул мне руку, ставя точку на разговоре.

– Вам надо отоспаться. Я принесу хорошее успокоительное, – добавил врач таким тоном, с каким палач обещает жертве добросовестно намылить веревку.

Я проводил их взглядом, и как только услышал затихающий скрип шагов за палаткой, сразу же подсел к столу и включил ноутбук Родиона, который он всегда брал с собой в горы. Я вогнал в прорезь дискету и вызвал команду на загрузку программы. Обмороженные пальцы с трудом попадали на нужные клавиши, глаза совсем некстати стали слезиться. Я тер воспаленные веки кулаком и пялился на возникшие на экране портреты Столешко и Родиона в анфас и профиль. За этим занятием меня застала Татьяна. Я едва успел отклю-

чить экран.

– Здравствуй, – сказала она, скидывая с головы капюшон. От нее потянуло свежим морозом. В протекторах ботинок девушка принесла снег, и на полу, между входом и столом, осталось несколько белых следов, словно Прокина, как мышь, прибежала с мучного склада. – Ты позволишь мне сесть?

Я искоса взглянул на нее и нахмурился.

– Спасибо, – сказала Татьяна, словно я расшаркался перед ней, предложив свой стул. Расстегнув молнию на пуховике, она села на сколоченную из ящиков скамейку. – Я принесла письмо от князя. Вообще-то оно адресовано Родиону, но ты тоже можешь его прочитать, чтобы потом не задавать мне лишних вопросов.

– Меня не интересуют чужие письма, – ответил я.

Она держала лист бумаги в вытянутой руке. Я смотрел на клавиатуру. "Каким же мерзким кажусь я ей со стороны!" – подумал я. Мне приходилось играть несвойственную роль, и меня корбило то, что игра давалась без напряжения. Раньше мне казалось, что сыграть подлеца порядочному человеку очень трудно.

– Хорошо, я зачитаю, – сказала Татьяна спокойно, опуская руку. Она со странной особенностью рассматривала мое лицо: ее зрачки безостановочно двигались, будто по моей физиономии бежала строка телетекста. Я не выдержал этой почти ощутимой ласки вниманием и поднял глаза. Ее взгляд

неуловимо изменился, и я догадался, что девушка думает уже не о пропавшей альпинистской связке, а о моей голове с пылающими мозгами.

– У меня есть французский аэровит, – сказала она, расстегивая молнию на пуховике. – Он здорово помогает от "горняшки". Тебе будет легче...

– Мне будет легче, – пробормотал я, – если ты выйдешь отсюда... Кто тебя просил беспокоиться об Родионе? Кто тебя прислал сюда?

– На все эти вопросы я уже ответила Родиону.

– Тогда и свои вопросы задай ему!

Татьяна вздохнула и с завидным терпением произнесла:

– Меня прислал сюда Святослав Николаевич Орлов, бывший эмигрант, потомственный князь, владелец усадьбы в Араповом Поле. – Вынув из-за пазухи коробочку, девушка встряхнула ее как погремушку и, взяв мою руку, развернула ее ладонью вверх. На линию жизни выкатились две желтые, нагретые ее пуховиком пилюли. – Можно не запивать. Разгрызи как следует и проглоти.

Лоб девушки закрывала оранжевая повязка, она же превращала прическу в некое подобие букета, в котором светлые, выгоревшие почти до белизны волосы, фонтаном шли кверху, в романтическом беспорядке опадали на высокий воротник пуховика, на лоб и глаза, и только уже где-то за воротником сплетались в косу. Словом, каждая деталь ее облика была гармонично связана с альпийской экзотикой, и порт-

рет девушки мог бы украсить обложку какого-нибудь журнала для любителей активного отдыха.

– И что тебе от меня надо? – устало спросил я, опуская таблетки в карман.

– Исчерпывающей информации о Родионе и Столешко, – ответила Татьяна, легко рассматривая мои глаза. Ее лицо освещал рассвет улыбки. – Твоя гипотеза об убийстве меня не устраивает. Я должна знать все подробности: в каком состоянии был лагерь, что ты нашел в палатке, где находились веревка, горный ботинок...

– А государственную тайну тебе не выдать? – грубо спросил я. – Что это за манера такая – без стыда лезть в душу! Дай сюда твое письмо!

Я почти вырвал лист из руки Татьяны. Если бы она держала его крепче, то он бы порвался. Я положил письмо перед собой.

– И для какой цели тебе нужна информация? – произнес я и углубился в чтение короткого письма, прищулив один глаз, словно был на тестировании у окулиста.

"Дорогой сын! Танюша Прокина – мой новый письмоводитель, девушка весьма легкая на подъем, блестяще справляется со всеми моими поручениями (английский и французский в совершенстве, изумительнейшая физическая подготовка, верховая езда и бальные танцы!!!), что и навело меня на мысль отправить ее к тебе, полагая, что такой человек не только не станет обузой, но и поможет во многих

твоих делах. Обнимаю – твой отец князь Орлов."

Почерка князя я не знал, и у меня не было полной уверенности, что письмо действительно написано отцом Родиона.

– Ну и что? – отчужденно спросил я. – Я сам могу такое написать. Ты Родиону его показывала?

– Конечно.

– И что он сказал?

– Ничего. Он поцеловал меня.

– Погорячился, конечно, – пробормотал я.

– Надо понимать, ты отказываешься со мной говорить? – уточнила Татьяна, причем так легко и малозначимо, будто давно смирилась с этим, и мой ответ особого значения для нее не имел.

– Правильно понимаешь, – ответил я.

На этом наш недолгий разговор был прерван редкими и гулкими звуками ударов. Повар, колошматя палкой по пустой бочке из-под соляры, приглашал "сахибов", то есть, восходителей, на ужин. Татьяна поднялась со скамейки и протянула мне руку, сузив ладонь лодочкой. Мне почему-то пришлось в голову, что она хочет, чтобы я пожал ее руку или поцеловал. Но ей всего лишь нужно было письмо.

Прежде чем вернуть его девушке, я поднял лист и посмотрел через него на свет. Во всяком случае водяные знаки в виде замысловатого логотипа князя просматривались четко. "Однако, никаких инструкций относительно письмоводителей я не получал, – подумал я и слишком откровенно уста-

вился на девушку, дожидаясь, когда она выйдет из палатки. — Кто она? Новая фигура на игровом поле князя?"

Глава пятая

Честь фирмы

Столовая уютно располагалась на краю лагеря, среди каменных завалов горного "мусора", который ледник, сползающий с Плахи, аккуратно сгребал в одну кучу. Шерпы питались из общего котла, но в своих палатках, используя в качестве посуды армейские котелки. А привередливые американцы постарались превратить процесс потребления пищи в приятную и комфортную процедуру. В большой палатке, освещенной светильниками, был установлен длинный стол, собранный из кусков легкого пластика, на краю которого возвышались стопки одноразовых картонных тарелок, пластиковых ложек и чашек. А дальше, по всей длине стола, стояли блюда с яствами. Тихо играл джаз. На тканевых стенах висели фотографии голливудских звезд, президентов, кто-то продолжил галерею портретами жен, собак и младенцев. Исхудавшие, с черными лицами восходители в свитерах грубой вязки и тяжелых высотных ботинках изо всех сил старались вести себя так, как в "Макдоналдсе" и, неторопливо продвигаясь вдоль стола, загружали тарелки отварным рисом, сухой овсянкой, сушеными фруктами, кружочками копченой колбасы, наливали в чашки густой порошковый суп или бульон из кубиков.

Даже глубоко уважая ностальгию клаймберов⁵ по своей родине, я не смог сдержать улыбку, войдя в палатку. Стоящий у входа шерпа в замусоленном белом халате предложил мне влажную салфетку для мытья рук, которой я тотчас прикрыл рот. Народу было немного. Большинство членов экспедиции, разбившись на штурмовые двойки, ютились сейчас в тесных высотных палатках промежуточных лагерей, в сравнении с которыми базовый был курортным раем.

Я взял тарелку и в раздумиях остановился перед медным чаном с отварным рисом, сдобренным гуляшем из сублимированной говядины. Креспи вместе с малорослым представителем фирмы "Треккинг" стоял у противоположного торца стола. Руководитель экспедиции заметил, как я зашел в палатку, но сделал вид, что до самозабвения увлечен беседой с итальянцем. Креспи имел право так поступать, потому что я не был членом команды.

– Добрый вечер! – поздоровался я, бесцеремонно прервав беседу Креспи и итальянца. Ложка с тушеной фасолью, которую Креспи намеревался отправить в рот, повисла между мной и фирмачом, словно шайба в момент вбрасывания.

Руководитель сдержанно поклонился, зато итальянец, лицо которого было обрамлено курчавой бородкой, плавно переходящей в бакенбарды, а затем в лысину, жизнерадостно протянул мне руку. Осуществляя рукопожатие, я рассматривал лицо фирмача и думал о том, что если его голову ото-

---

⁵ Climber – альпинист (англ.).

рвать, перевернуть и поставить лысиной вниз, то получится новый тип лица – гладко выбритое, с торчащей дыбом короткой прической.

– Это господин Ворохтин, – выразительно представил меня Креспи. – Тот самый альпинист из России.

Услышав, что я "тот самый", итальянец торопливо отдернул руку. Его универсальное лицо вмиг помрачнело. Он сделал шаг назад и покосился на мои французские ботинки. Щедро смазанные ветрозащитной помадой, его губы дрогнули и презрительно скривились. Во всем лагере только я и Татьяна не были обуты в итальянские "Треккинги", и фирмач смотрел на меня как на негра в толпе ку-клукс-клановцев.

– Вы вызвали полицию? – спросил я у Креспи.

– А вы по-прежнему настаиваете? – выдержав паузу, вопросом на вопрос ответил американец, кидая картонную тарелку в пластиковый пакет для мусора.

– Не просто настаиваю, а требую, – уточнил я. – Мы упускаем время. С каждым часом преступник уходит все дальше, и доказать его вину будет сложнее.

Креспи передернуло от слова "преступник". Он повернулся к столу и в растерянности посмотрел на блюда.

– Я очень сожалею о трагической гибели ваших друзей, – пробормотал он. – И понимаю, что эта утрата невосполнима. – Он повернулся ко мне лицом. В белой пластмассовой ложке лежала иссиня-черная маслина. – И все же... Все же нельзя терять голову и сгоряча принимать решения. Вы по-

нимаєте мене? Преступлення не було! Не було!.. Если, конечно, не считать преступницей гору.

— Креспи, — произнес я усталым голосом. — Вы талантливый организатор и альпинист от бога. — Но, поверьте, криминальные дела не в вашей компетенции.

Руководитель сник, выпадая из строя защитников чести фирмы. И тогда его подменил итальянец.

— А в чем, собственно, проблема? — свежим голосом возвестил он. — Давайте начистоту, господин... простите, как ваша фамилия? Какие у вас к нам претензии? Что конкретно вас не устраивает?.. Но не торопитесь с ответом. У меня для вас большой сюрприз!

Начались рекламные штучки, понял я. Креспи о чем-то задумался, гоняя косточку маслины во рту. На входе палатки появился рыжеголовый врач, который приветственно вскинул руку и принялся расстегивать многочисленные замки и липучки на куртке.

— Наша фирма решила презентовать вам последнюю модель супер ботинок! — объявил итальянец. — Комбинация нижней пластиковой части и кожаного верха делает обувь чрезвычайно прочной и комфортной для технического лазания...

— Креспи, вы делаете себе только хуже, — произнес я. — Вольно или невольно, но вы потворствуете действиям преступника. А это чревато последствиями.

— ... двойной ударопоглотитель и система "мангуст", об-

волакивающая ногу по бокам, особая вентиляционная способность дают ощущение...

Руководитель, сплевывая косточку на ложку, вскинул на меня взгляд.

— А вы не задумывались, какими последствиями обернется для вас вызов полиции?

— ... самоочищающийся профиль дополняет образ истинно агрессивного дизайна для тех, кто нацелен на победу... — не видя ничего вокруг, кроме своих ботинок, продолжал рекламное выступление итальянец.

Я выжидающе смотрел на Креспи. Ему уже стало ясно, что убеждением и ботинками с агрессивным дизайном меня не взять. Но если он нашел, чем зацепить меня, то обязательно выложит свой козырь. Креспи хотелось увидеть в моих глазах если не испуг, то хотя бы любопытство. Не знаю, что он там увидел, но его лицо выражало разочарование.

— Не задумывались, — понял он. — Тогда я вам объясню. Портер, с которым вы поднимались в третий лагерь, утверждает, что намного ниже третьего лагеря вы слышали крики о помощи, которые доносились с гребня контрфорса.

— Крики? — переспросил я. — Портер сказал, что слышал крики?

— Он сказал, что вы оба слышали крики, — уточнил Креспи.

— Так. Дальше!

— Портер предложил вам пойти на голоса и помочь людям,

но вы ответили, что намерены продолжить восхождение к третьему лагерю. И тогда он сказал, что пойдет на помощь русским один.

– И неужели пошел? – спросил я, пожимая руку итальянцу в знак благодарности за впечатляющую рекламу.

– Пошел, – кивнул Креспи.

– Может быть, он спас Родиона и Столешко, а я до сих пор ничего об этом не знаю?

– Не исключено, что спас бы, – ответил Креспи, подставляя под краник бачка чашку. – Если бы вы не отобрали у него рюкзак с кислородом и провиантом.

– Креспи, – сказал я. – Вы действительно верите в это?

– У меня нет оснований не верить Бадуру. Он не первый раз работает в моей экспедиции и хорошо зарекомендовал себя.

На его лбу выступили капли пота. Казалось, что короткий седой ежик на голове американца – иней, который от тепла столовой начал таять, и капли воды покатались по лбу. Спортивные успехи Креспи остались в прошлом, а материальные всецело зависели от "Треккинга". И надо было всего ничего – немного солгать, немного пойти против совести, что стоило всего нескольких капель пота.

– Я думаю, что мы обойдемся без полиции, – сказал итальянец и примирительно похлопал меня по плечу. – Я вам еще не рассказал о нашей куртке "Полярное солнце". Это нечто необыкновенное!

Врач с тарелкой на ладони подошел к нам.

– Как самочувствие? – поинтересовался он у меня. – Будьте добры, хлеба подайте, вы рядом стоите... А я принес вам то, что обещал. Держите!

Я уже забыл, что он обещал скормить мне какие-то успокоительные таблетки, и машинально протянул руку. Из пластиковой упаковки мне на ладонь выкатились две желтые пилюли. Я смотрел на них и думал, чем для меня может обернуться слишком узнаваемое повторение эпизода с таблетками.

– Выпейте, – сказал врач, теребя клиновидную рыжую бородку.

– Рекомендации врачей надо выполнять, – нравоучительным тоном добавил итальянец.

– Мы не желаем вам зла, – заверил Креспи. – А о вашем неблагоприятном поступке я постараюсь забыть.

Они обступили меня со всех сторон. Я продолжал стоять с развернутой ладонью. Пилюли таяли, клеясь к мозолям.

– Вы уверены, что эти таблетки мне помогут? – спросил я врача.

– Вне всякого сомнения, – ответил он.

– А память они улучшают?

– И память тоже.

Креспи протянул мне свою чашку, предлагая запить лекарство. Я опустил руку с таблетками в карман, где уже лежала пара очень похожих таблеток, вежливо посторонился ита-

льянца и быстро пошел к выходу, затылком чувствуя недобрые взгляды. Президенты с фотографий смотрели на меня так же отчужденно, словно были в сговоре с Креспи, врачом и итальянцем.

Я вышел в ночь, под колючий свет звезд, хоровод которых острым углом закрывала Плаха, тускло отливающая холодным серебром. Палатку шерпов я нашел скорее по звуку электрогенератора, чем зрительно, откинул полог из старого верблюжьего одеяла и зашел внутрь. Большинство носильщиков уже спали, кое-кто еще подогревал на горелке ракшу или играл в карты. Бадур, сидя перед керосинкой, точил напильником зубья кошек. Увидев меня, он отложил работу и стал торопливо менять сосредоточенное выражение лица на счастливое.

– Привет! – громко поздоровался он со мной, чтобы привлечь внимание своих земляков. – Почему не спишь так поздно?

– Привет, – ответил я и похлопал его по плечу. – Я тебе кое-чего принес. Выйдем на воздух.

Наверное, Бадур рассчитывал на деньги, потому не стал одевать ботинки и пуховик, и вышел в чем был – босиком и в свитере. Мы стояли по колени в снегу рядом с кемпинговой палаткой руководителя экспедиции, за тонкой стенкой которого тихо шипела включенная на прием радиостанция. Этот звук, не меняющийся на протяжении прошедшего дня, напоминал процесс приготовления яичницы.

Без вступлений, ударом в челюсть я свалил Бадура на снег, сел на него верхом и вставил ему между зубов дюралевый крюк.

– Глотай! Может быть, вспомнишь, как все было на самом деле, – сказал я, заталкивая Бадуру под язык таблетки. – Да не рычи ты, я же не драться с тобой пришел, а помочь... Ну? Проглотил? В голове стало светлее?

Глава шестая

Французский аэровит

Оранжевый вертолет с военными опознавательными знаками на борту, не выключая двигателей, со свистом резал морозный разреженный воздух и поднимал снежную пыль. Она кружилась вокруг, словно геликоптер попал в эпицентр смерча. Открылась дверь и на снег спрыгнул офицер в коричневом свитере с матерчатыми нашлепками на плечах, медной бляхой на груди, в малиновом берете. Низко пригибаясь и прикрывая лицо от ледяных опилок, он побежал в нашу сторону.

Мы с Кресси стояли рядом, но как бы отдельно друг от друга. Очень недовольный тем, что я самовольно воспользовался радиостанцией, он с утра не разговаривал со мной и старался не замечать. Я был с ним подчеркнуто вежлив. Представитель фирмы, вчистую забывший о своем обещании сделать мне подарок, нервно крутился между нами, вытаптывая в снегу восьмерку, и беззвучно шевелил губами, словно повторял перед ответственным выступлением текст речи.

Я прикрывал глаза рукой и шурился, глядя в вихревой снежный столб, из которого появился полицейский. Мои глаза слезились от ослепительного света, мороза и керосино-

вой гари, и инспектор мог подумать, что я излишне сентиментален и восприимчив, а таким, как известно, не очень-то верят. Гора, отражая своими снежными зеркалами солнце, выдавала миллиарды люкс, и кожей лица я физически ощущал волну золотистых нитей как тысячи швейных иголок, вонзающихся мне в лоб, щеки, губы. Я старательно тер глаза рукавицей, но, похоже, сделал еще хуже.

Опасаясь, что я могу нарушить субординацию и представиться первым, Креспи шагнул навстречу гостю и сделал неопределенное движение руками, словно хотел извиниться за то, что потревожил столь высокое начальство из-за пустяка.

– Привет! – поздоровался он с инспектором. – Я начальник экспедиции Гарри Креспи. Долетели нормально? Все в порядке?

Инспектор козырнул, пожал руку Креспи, а затем итальянцу, который в мгновение оказался рядом. Я продолжал стоять на тропе, ожидая, когда инспектор получит из уст Креспи и итальянца исчерпывающую информацию обо мне. Но руководитель быстро устал и закашлялся. Безвкусный, ледяной воздух обжигал горло. Итальянец тоже закрыл рот, потому как умел долго говорить только о продукции своей фирмы.

– Ворохтин, – представился я инспектору, когда тот поравнялся со мной, и убрал с глаз черные очки. – Это я связался с полицией.

Смуглое лицо непальца, утяжеленное густыми черными усами, вытянулось от удивления.

– Неожиданная встреча! – безрадостно произнес он. – Кажется, мы недавно встречались?

Я тоже узнал его. В Катманду у нас неожиданно возникла проблема: у Столешко оказалось просрочено разрешение на посещение национального парка, куда входила Ледяная Плаха. Проблема была пустяковой, достаточно было написать повторное заявление и уплатить небольшую пошлину. Но Столешко неожиданно для нас пальнул по воробьям из пушки. Он преподнес инспектору пухлый почтовый конверт, что здорово смахивало на взятку. Правда, писать заявление и платить пошлину ему все равно пришлось.

Мы топтались на тесном пятачке в двух десятках метрах от вертолета. Инспектору была неприятна наша встреча, он сконфузился.

– Я сначала поговорю с руководителем, а к вам подойду позже, – сказал он, глядя на двух шерпов, которые, часто перебирая ногами, тащили волоком большой кусок пластиковой клеенки, поверх которой лежал Бадур.

– У нас больной, – сказал Креспи инспектору, дождавшись, когда шерпы поравняются с нами. – Тяжелое отравление. Жалуется на боль в животе... – Креспи кинул на меня быстрый многозначительный взгляд и подытожил: – Надо бы госпитализировать.

– Это полицейский вертолет, а не санитарный! – с неожи-

данной злостью ответил инспектор. Он все еще был под впечатлением нашей встречи, и это его злило. – В лагере есть врач? Какой он поставил диагноз? Чем больной отравился?

Тембр вертолетного двигателя стал меняться, из свиста превращаясь в частый глухой стук, и полупрозрачная "тарелка" винта выгнулась воронкой. Вертолету не терпелось оторваться от ледника. Я посмотрел на кабину. Пилот отчаянно жестикулировал, постукивая пальцем по запястью, где были часы. Рот пилота был широко раскрыт – то ли он что-то кричал Креспи, то ли ему, как и вертолету, не хватало воздуха.

Шерпы подняли Бадур на руки и принялись заталкивать его в салон. Я на мгновение увидел распухшее лицо портера с отечными веками, заострившимся, как у покойника, носом и губами. "Зря я это сделал, – подумал я. – Теперь будет очень трудно доказать, что таблетки, которые я скормил Бадуру, дали мне врач и Татьяна. Какими именно портер отравился – одному черту известно. Начнутся разбирательства, меня надолго выведут из Игры."

Инспектор, увидев, что Бадур грузят вопреки его запрету, закричал и погрозил шерпам кулаком. Креспи коснулся рукой плеча инспектора, бессловесно извиняясь, и побежал к вертолету. Шерпы, сбитые с толку, смотрели то на кричащего инспектора, то друг на друга, и не знали, что делать со своим коллегой. Бадур вращал зрачками, глядя вокруг себя, и шевелил пересохшими губами. Кажется, он очень боялся вращающегося над своей головой винта. Начальник экспеди-

ции с белым от снежной пыли лицом стал размахивать руками и отталкивать шерпов от вертолета, хватая их за воротники пуховиков. Бадур, проявляя с начальником солидарность, согнул ноги в коленях и начал отталкиваться от края вертолетной палубы. И вдруг спрыгнул с носилок и кинулся от грохочущей винтокрылой машины прочь. Пилот то ли нечаянно, то ли нарочно приподнял вертолет от снежной доски на метр. Такелажный крюк, торчащий сбоку от дверного проема, зацепился за куртку Креспи, с треском разорвал ткань, обнажая белый наполнитель, и поднял американца в воздух. В воздушном вихре, смешиваясь со снежной пылью, закружился пух, словно Креспи был плюшевым медвежонком, которому жестокий ребенок распорол брюшко. Шерпы закричали и засвистели. Американец сорвался с крюка и упал на снег, и полоз вертолета едва не придавил его ноги.

Я обязательно сплюнул бы под ноги, если бы во рту не пересохло.

Вокруг вертолета, ставшего центром внимания, собиралось все больше обитателей лагеря. На черных остроугольных камнях, торчащих из-под снега как позвонки древнего ящера, я увидел Татьяну, которая, словно оранжевая ящерица, грелась в лучах солнца и поглядывала на клоунаду Креспи.

"Очень кстати!" – подумал я и, медленно пятясь, чтобы не привлечь ее внимания, обошел вертолет по большой дуге, а когда оказался за спиной Татьяны, побежал по тропе в

лагерь.

Ее малиновая палатка, как и большинство других, была раскрыта, полог откинут в сторону, чтобы горячие солнечные лучи прогрели и просушили внутренность. Не останавливаясь, я сходу нырнул внутрь, снял очки и огляделся. Гнездышко милой письмоводительницы мало чем отличалось от походного жилища рядового клаймбера, разве что подвешенными к потолку пучками остро пахнущих высушенных трав, которые девушка, видимо, нарвала в окрестностях Биратнагара. Ложе, представляющее из себя розовый спальник-кокон, было отделено кажущейся нелепой здесь москитной сетью. Собственно, сама палатка по своей конструкции мало подходила к высокогорью, с его ветрами и снегопадами.

Я взялся за рюкзак, перевернул его вверх дном и вытряхнул под ноги бесчисленное количество пакетов с одеждой. Потом обыскал карманы рюкзака. "А что я хочу найти? – думал я, затапливая вещи обратно. – Большое красное удостоверение, в котором будет написано, что Татьяна Прокина – мошенница и воровка, практикующаяся на молодых и богатых мужчинах?"

Я расстегнул молнию москитной сетки и опустился на колени перед спальником. Ощупал его пухлые бока, сунул под него руку и сразу наткнулся на тонкий холодный предмет. Вытащил ледериновую папку на липучке, раскрыл ее и начал рассматривать бумаги. Сверху лежало уже знакомое мне письмо князя. Ниже – нарисованная карандашом схе-

ма усадьбы в Араповом Поле, причем место, где в Родиона стреляли, было помечено крестиком. Под схемой – ламинированный квадратик, похожий на водительское удостоверение. Я пробежал глазами по мелкому тексту: *"Руководствуясь Уголовным кодексом РФ и Законом об оружии... вправе применять оружие (пистолет Макарова № 7057429)..."*

– Интересно? – вдруг услышал я за своей спиной голос Татьяны. Обернувшись, я увидел то, о чем только что читал – ствол пистолета Макарова, нацеленный мне в лоб.

Даже если бы мое лицо не было коричневым от загара, я все равно бы не покраснел. Для меня не играло большой роли то, как мои поступки выглядели со стороны. Главное – с какой совестью я их совершал. Закрывая папку, я с интересом рассматривал черную дыру в пистолетном стволе.

– Это у тебя что? Пистолет? – спросил я, аккуратно заталкивая папку под спальник. – Настоящий? Дай пострелять!

– Не смешно, – ответила Татьяна.

– И мне не смешно, – сознался я, встал на ноги, подошел к девушке и отвел ствол в сторону. – Теперь так принято – снабжать писемоводителей оружием? Или это твоя личная инициатива? А?

– Хватить! – оборвала меня Татьяна, пряча пистолет под пуховик. – Что тебе здесь надо?

– Французский аэровит, – сознался я. – Вчера вечером я угостил им Бадура. И, знаешь, так вдруг захотелось, чтобы меня тоже внесли в вертолет вперед ногами на руках!

– Внесут, – пообещала Татьяна, опуская руку в карман. – А таблетки я ношу с собой.

Она раскрыла ладонь, показывая мне голубую упаковку.

– Ты предлагаешь его всем, у кого болит голова? – поинтересовался я.

– Нет, не всем.

Нравился мне ее массирующий взгляд! Люди с таким взглядом отвечают на вопросы быстро и честно.

– Наверное, Родиону предлагала? – наобум спросил я.

– Конечно.

У меня внутри все похолодело.

– А Столешко?!

– И ему тоже.

Я почувствовал, как мне стало не хватать воздуха. Татьяна не могла не заметить ужаса в моих глазах, и на ее лицо, как на мое искаженное отражение, упала тень.

– Что ты на меня так смотришь? – дрогнувшим голосом произнесла она.

"Одно из двух, – подумал я, – или она не знала, что творила своим аэровитом, или же разыгрывает спектакль похлеще нашего".

– Ты сама их пробовала? – произнес я. – Ты уверена, что это действительно аэровит, а не какой-нибудь мышьяк?

Я здорово испугался, не скрою. И Татьяна сдрейфила, причем вполне правдоподобно. Она немедленно поднесла коробочку к глазам, прочитала на ней все, что можно было про-

читать, затем вытряхнула оттуда желтую таблетку и отправила ее в рот. Когда распробовала вкус пилюли, хлынули эмоции.

– Я принимаю их по три раза в день! – рассерженно крикнула она и даже замахнулась на меня кулаком. – Что ты страху наводишь, как истеричка в самолете?

У меня отлегло от сердца. Я вытер взмокший лоб, выхватил коробочку из рук Татьяны и затолкал ее себе в карман.

– Господин Ворохтин! Вас просит инспектор.

На входе палатки высилась фигура Креспи. Я посмотрел на покрытую инеем седую бородку, потрескавшиеся губы, широкие скулы, туго обтянутые задубевшей на солнце и ледяном ветру коричневой кожей. Второй месяц Креспи топтал гималайский снег и дышал разреженным воздухом. На его месте я бы давно сошел с ума от такого счастья. Наверное, ему очень нужны были деньги, нужны до такой степени, что он в ничто обесценил свои здоровье и силы, продав их итальянскому "Треккингу".

– И вас, госпожа Прокина, тоже, – добавил он, посмотрев на девушку.

Глава седьмая

Не удержалась на ушах лапша

Во всей этой безумной и дорогостоящей затее с фильмом я выполнял отнюдь не игровую роль. Родион, зная меня много лет по совместным восхождениям, определил меня своим основным напарником по альпинистской связке. Я должен был страховать его во время съемках на самых опасных участках. А по совместительству исполнял обязанности огнетушителя при капризном и взрывоопасном миллионере, где добрым словом, а где кулаком отгоняя от него мошенников, попрошаек, поклонниц и прочих носителей ненужных проблем. Так я и объяснил инспектору смысл своей фигуры в этой истории.

Он слушал меня не перебивая. Некоторым нравятся такие слушатели. Я же их не переносил. Если я долго говорил, а меня все это время слушали молча, то я начинал подозревать собеседника в глухоте или слабоумии, что не позволяло ему полноценно воспринимать мои мысли. Я привык чувствовать контакт, и нормально относился к спору, даже если он заканчивался кулачными разборками. Истина всегда рождается в муках.

Татьяна сидела у радиостанции в складном кресле, не выпуская из руки стальной чашки с горячим чаем. Пар, стру-

ящийся из чашки, сдувало настырным сквозняком, несмотря на двойную стенку из ткани "рипстоп". Я все время уводил глаза в сторону, чтобы не поранить свои нервы о ее взгляд. Креспи, опершись руками о стол, несколько мгновений смотрел на свежий номер "Непал таймс", который инспектор привез вместе с почтой. В заметке о Родионе, помещенной на первой полосе, кто-то прожиг спичкой дырку, а рядом посадил жирное пятно, но я сумел прочесть весь текст: *"Сумасшедший русский Родион Орлов, сын известного и весьма состоятельного художника-реалиста Святослава Орлова, примкнул к гималайской экспедиции, возглавляемой американцем Гарри Креспи, и намерен совершить сольное восхождение на сложнейший восьмитысячник Гималаев, прозванный клаймберами Ледовой Плахой, а также пройти самые "смертельные" скальные маршруты мира..."*

Пора было переходить к самому главному – моим злоключениям в третьем высотном лагере, но мне не удавалось поймать искру любопытства в глазах инспектора, и я замолчал. От моего молчания инспектор оживился и, склонив голову набок, спросил:

– И что же было дальше?

Это был первый вопрос, который он задал. Я терзал пальцами щеку, покрытую жесткой щетиной. Как только мы высадились на ледник, я забыл о бритье. У меня был с собой и станок, и баллончик с пеной, можно было каждое утро приводить себя в порядок, но я не делал этого, следуя альпи-

нистской традиции.

Креспи нервным рывком сорвал приколотую к стенке карту Ледовой Плахи, точнее, крупный аэрофотоснимок, сделанный в таком ракурсе, что отчетливо были видны все гребни, лавинные желоба, полки и кулуары горы-убийцы. Красным пунктиром были обозначены маршруты, треугольниками – промежуточные лагеря. На вершине красовался флажок, похожий на топор.

– Когда они последний раз выходили на связь? – спросил инспектор, искоса взглянув на карту.

– Позавчера около семи утра я разговаривала со Столешко, – за Креспи ответила Татьяна. – Они готовились выходить из третьего лагеря на стену.

Я только зубами скрипнул и покосился на девушку. Вот же выскочка! Кто ее спрашивает, черт возьми! Она, безусловно, обладала привлекательным лицом, которое еще не успело испортить безжалостное солнце, но злость всегда делала меня безразличным к красоте.

– А Родион с вами не говорил? – спросил инспектор, не поднимая головы.

– Нет. Но я слышала его на дальнем фоне. Он пел.

Голос Татьяны, как у большинства альпинистов-высотников, был немного хриплым, простуженным. В другой ситуации я непременно посоветовал бы ей "боржоми" с молоком. Но сейчас осведомленность Татьяны выводила меня из себя, и я думал о том, как бы выпроводить ее из палатки.

– Пел? – насмешливо переспросил я и мельком взглянул на Кресси, желая убедиться, что руководитель разделяет мой скептицизм. – Он пел на высоте двадцати тысяч футов? После ночевки при температуре минус тридцать? Бред какой-то!

Бледные из-за защитной помады губы девушки были полуоткрыты и слегка вытянуты вперед, словно девушка в ответ на мою колкость намеревалась поцеловать воздух; ее светлые глаза запечатлели едкую голубизну неба, а несколько вздернутый кверху веснушчатый нос придавал образу характер дерзкий и упрямый.

– Это не бред, – спокойно ответила она. – Я отчетливо слышала, как Родион пел. И еще я хочу напомнить тебе о том, что в горах в период адаптации у некоторых людей заметно снижается интеллект. Если высота пять тысяч, то на пятьдесят процентов. Если семь – то на семьдесят. Сейчас мы находимся на высоте пять с половиной тысяч метров. Делай выводы.

Может быть, у меня в самом деле понизился интеллект, так как я не сразу понял, для чего Татьяна озвучила эту статистику. Мне казалось, что в левый висок вбивают раскаленный гвоздь. "Анальгин не поможет, – думал я. – Только убедить инспектора в своей правоте, только бы склонить его на мою сторону. Иначе вся эта свора сожрет меня."

Я смотрел в подвижные, цвета ледника глаза Татьяны, на ее спокойное лицо и щеки, покрытые, как яблоки, дымчатым

румянцем, и понимал, что глубоко ошибался, когда ждал от жизни в высокогорье, вдали от людей и цивилизации, простых и понятных истин.

– Мы слушаем вас, господин Ворохтин, – произнес инспектор.

– Когда я поднялся в третий лагерь, то сразу понял, что там случилось что-то из ряда вон выходящее, – сказал я, прислушиваясь к шагам Креспи за своей спиной. Он ходил между импровизированных столов. Волосы на моем затылке реагировали на движение воздуха, и это раздражало не меньше, чем сосредоточенное внимание Татьяны, сидящей рядом с инспектором.

– Что значит из ряда вон выходящее? – уточнил инспектор.

– Во-первых, крыша была порвана, как если бы ее расправили ножом. Ни лавина, ни осколки ледяных линз этого сделать не могли.

Взгляд инспектора ушел выше моей головы. Он вопросительно посмотрел на Креспи, словно хотел получить подтверждение моим словам. Я не видел, какую выражение изобразил на своем лице руководитель.

– Если это могли сделать только люди, то зачем? – спросил меня инспектор.

– Чтобы палаткой больше никто не смог воспользоваться, – сказал я. – Чтобы альпинист, который поднимется в третий лагерь, был обречен на холодную и голодную ночевку,

что с большой долей вероятности означает летальный исход. Иначе говоря, это было сделано для того, чтобы то, о чем я вам собираюсь рассказать, никому не стало известно.

За моей спиной раздался короткий шипящий звук, словно Креспи высморкался.

– Я обыскал весь лагерь, но под стеной нашел только ботинок Родиона и обрезок страховочной веревки. Кислород, продукты, одежда, медикаменты – все исчезло.

– Как же Родион мог идти по снегу без ботинка? – удивленно спросил инспектор.

– Никак. Он и не шел. Он падал.

– Куда?

– В пропасть.

– Зачем?

Я вздохнул и вытер со лба пот. Даже Креспи, который был бесспорным союзником инспектора, начал терять терпение.

– Господин Ворохтин утверждает, что Родиона умышленно скинул в пропасть его напарник Столешко, – пояснил он инспектору.

– Зачем?

Этот вопрос, в точности повторивший предыдущий, тем не менее пришелся к месту. Для меня он был чем-то вроде "Гюльчатай, покажи личико!"

– Сейчас объясню. Это фотография Столешко, – сказал я, протягивая инспектору полароидный снимок, сделанный мной в гостинице. Дождавшись, когда инспектор как следует

рассмотрит лицо Столешко на фоне хмельной компании, я протянул еще один снимок. – А это Родион. На заднем фоне Капитолий. Но, в общем, не в нем дело... Вы ничего не замечаете?

Креспи стоял за моей спиной, изогнувшись плакучей ивой, стараясь рассмотреть снимки, которые непалец перебирал в руках.

– А что я должен заметить?

Теперь и Татьяна повернулась к инспектору, пытаясь рассмотреть изображения на снимках. Я заинтриговал всех.

– Они очень похожи! – объявил я. – Столешко и Родион похожи как две капли воды. Рост, телосложение, форма черепа...

– Позвольте? – не выдержал соблазна Креспи и протянул руку, но инспектор не спешил отдать ему снимки.

– М-да, – согласился он. – В некоторой степени похожи. Только у Столешко волосы короткие и рыжие, а Родион шатен... И все-таки я не пойму, почему вы решили, что Родион сбросил Столешко...

– Наоборот! – остановил я его. – Столешко сбросил Родиона.

– По-моему, это обычный несчастный случай, – сказал инспектор, закидывая ногу на ногу. – В Гималаях, господин Ворохтин, это, к сожалению, перестало кого-либо удивлять. В позапрошлом году погибло семнадцать человек, в прошлом – двадцать три...

– Вы читали эту заметку? – снова перебил я инспектора и кивнул на газету, которая лежала под его локтем.

– Какую? Эту? – уточнил инспектор, опуская взгляд. – "Сумасшедший русский Родион Орлов, сын известного и весьма состоятельного..." Да, читал. Ну и что?

Поморщившись, я провел рукой по пульсирующему лбу, словно утерся.

– Прекрасно! Тогда взгляните на это!

Я показал непальцу дискету, которую нашел в красной палатке, вставил ее в ноутбук и повернул компьютер так, чтобы его экран был хорошо виден инспектору и Креспи. Они смотрели, как экран рисует сетку и выводит список файлов.

– Знаете ли вы, господин инспектор, для какой программы предназначены эти файлы? – спросил я.

– Нет, не знаю, – признался инспектор.

– Для программы "Building of a face", по которой, как прическу в парикмахерской, можно модернизировать лицо человека, то есть, изменить форму носа, ушей, губ, разрез глаз.

Инспектор откинулся на спинку стула, словно от экрана ноутбука тянуло нестерпимым жаром, и переглянулся с Креспи. Руководитель, склонившись перед компьютером, коснулся клавиши. Файлы начали распускаться, как бутоны роз, превращаясь в трехмерные портреты Столешко и Родиона.

– Пока я ничего особенного здесь не вижу, – произнес он, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

– Я тоже, – быстро занял его позицию инспектор.

Я пустил в дело последний козырь.

– Это дневник Столешко, который я нашел в палатке, – сказал я, опуская перед инспектором тетрадь. – А в нем оказался очень любопытный документ... Раскройте, пожалуйста.

Инспектор откинул обложку тетради. Хорошо, что он не умел читать по-русски, и мелкие карандашные записи о недавнем восхождении на Канченджангу не привлекли его внимания. Он перелистывал страницы с той нетерпеливостью, с какой ребенок ищет во взрослой книге картинки.

– Ну? – говорил он. – Что вы хотите мне показать?

У меня не было необходимости вмешиваться. Инспектор сам нашел лист бумаги, вложенный между страницами дневника.

– "Медицинский центр репродукции человека, – читал он английский текст. – Таиланд, Бангкок. Предмет обсуждения (нужное подчеркнуть): изменение пола, косметическая хирургия (бородавки, папиломы, родимые пятна и т. д), изменение цвета кожи, липоксация, устранение врожденных уродств, коррекция фигуры, изменение формы носа, ушных раковин..." Что это?!

Я взял из рук изумленного инспектора лист и повернулся к руководителю.

– Креспи, тебя ничто не настораживает?

Американец молча взял документ и устремил взгляд в его середину. Татьяна тихо рассмеялась. От этого смеха облег-

ченно вздохнул инспектор, и даже мне стало легче. Татьяна взглянула на меня. Губы ее дрожали.

– Когда у человека нет своего объяснения, он занудно перечисляет факты и все время понукает слушателей: "Ну, поняли наконец? Поняли?"

– Да, – кивнул инспектор и поменял местами ноги. – Хотелось бы понять, на что вы все время намекаете.

– Да я уже не намекаю, а открытым текстом говорю! – взмолился я и полез в нагрудный карман. – Вот вам еще письмо Столешко, написанное им месяц назад Родиону. Он предлагает свои услуги в качестве компаньона и напарника для горных восхождений. Родион согласился. А почему бы и нет? Прекрасная кандидатура – мастер спорта международного класса, покоритель трех восьмитысячников, один из сильнейших альпинистов сборной Украины.

– А где конверт? – спросила Татьяна, бесцеремонно перехватывая письмо, которое я протягивал инспектору – впрочем, он все равно бы ни слова не понял, так оно было написано по-русски.

– Мы встретились со Столешко в Катманду, – продолжал я, пропустив мимо ушей вопрос Татьяны. – И меня сразу поразило сходство Столешко с Орловым. Но еще больше поразило то, как Столешко был прекрасно осведомлен о финансовом состоянии Родиона и его отца. Он подробно расспрашивал о том, как идут реставрационные работы усадьбы в Араповом Поле, сколько еще денег надо вложить в роспись

фасада грота.

– Почему вы решили присоединиться к экспедиции Креспи? – не по теме спросил инспектор. Я почувствовал, что от моего рассказа об усадьбе его стало клонить ко сну.

Я обернулся и взглянул на руководителя, полагая, что он сумеет дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, но Креспи предпочел молча ходить за моей спиной.

– Нет, – возразил я. – Никакого присоединения не было. Мы решали свои задачи, а Гарри свои. Он всего лишь приютил нас здесь в обмен на две сотни шлямбурных и ледовых крючьев.

Креспи опять шумно выдохнул через ноздри. Татьяна читала письмо Столешко. Я выхватил его из ее рук и, сминая, затолкал в карман.

– Такое ощущение, что написано под диктовку, – сказала Татьяна. – Почерк размашистый, вольный, с завитушками и кренделями, что выдает в Столешко виртуоза лжи.

– А теперь постарайтесь понять меня, – продолжал я, глядя на инспектора. – Вы уверены в том, что на горе произошел несчастный случай. Даете официальное сообщение о гибели двух альпинистов. А Столешко, скинув в пропасть Родиона, по альпинистским тропам спускается в долину и переправляется в Таиланд, где в бангкокском медицинском центре ему делают пластическую операцию, оплаченную и оговоренную заранее. Ему убирают с лица последние внешние различия с Орловым, красят волосы, и Столешко стано-

вится копией Родиона.

Креспи перестал ходить. С лица Татьяны исчезла ироническая усмешка. Инспектор нахмурился.

– Что это? – спросил он. – Зачем это ему надо?

Я не успел рта раскрыть, как Татьяна ответила за меня:

– Чтобы унаследовать состояние Орлова-старшего.

– Ты напрасно иронизируешь, – ответил я ей. – Это состояние оценивается в несколько десятков миллионов долларов. И Родион – единственный наследник первой очереди.

Инспектор кинул на стол карандаш и резко поднялся со стула.

– Знаете, – сказал он, – вот уже полчаса я пытаюсь понять вас! Но все, что вы сказали здесь, шито белыми нитками! Все, от начала до конца, придумано! Какой-то обрывок веревки, дискета, договор с тайландской клиникой, причем ксерокопия – это не доказательства преступления! Это просто личные предметы альпинистов, которые говорят о чем угодно, но только не о преступлении!

– Именно о преступлении, инспектор! – заверил я. – Дискета с программой – разве не улика? А договор с медицинским центром на пластическую операцию? Разве вас не настораживает, что среди бела дня без видимых причин вдруг исчезли два опытных альпиниста?

– Спокойно! – остановил мое красноречие инспектор, скидывая руку и показывая мне свою ладонь, словно штрафную карточку. – Следите за своей речью!

– У тебя большое воображение, парень! – произнес Креспи и опустил свою руку мне на плечо.

Я скинул руку американца, словно анаконду, упавшую на меня с дерева, и невольно попятился.

– Сейчас, Гарри, ты озабочен чистотой рекламы на "Трекинг", от которого тебе перепадет кусочек, и потому готов немного покривить душой.

– Спокойно, – еще раз произнес инспектор и поправил на голове малиновый берет. – Вы ведете себя вызывающе.

– Мне все понятно, – произнес я, глядя то на Креспи, то на инспектора. – Вы сговорились. Должен признать, неплохо...

– Что вы сказали? – вскинул густые черные брови инспектор. – Мы сговорились?

Он задел темечком заиндевевший потолок палатки, и ледяная пыль посыпалась за ворот его свитера. От этого почему-то мне стало холодно, хотя от спора я разогрелся, как в шезлонге на пляже в Майами.

– Инспектор, – стараясь погасить разгорающийся конфликт, сказал Креспи. – Гипоксия иногда делает поступки альпинистов непредсказуемыми. Господин Ворохтин пережил на высоте двадцать две тысячи сильнейший стресс. Прошу вас снисходительно относиться к его словам. Я за него приношу вам свои извинения.

Инспектор стоял ко мне боком, постукивал пальцем по столу и смотрел себе под ноги. Руководитель американской экспедиции ублажал его самолюбие. Инспектор чувствовал

себя значимой и уважаемой фигурой. Если бы я не произнес больше ни слова, инспектор остался бы удовлетворен примиренческим унижением Креспи. Но мой язык заворачивался во рту в трубочку от желания высказаться. Прекрасно понимая, что сам заваливаю себя дурными проблемами, я все-таки выпалил:

– Ваш скептицизм, инспектор, был бы просто необъясним, если бы в Катманду вы не приняли из рук Столешко взятку!

Креспи наступил мне на ногу. Хорошо, что на его итальянских "треккингах" не было кошек. Татьяна взглянула на меня почти с испугом и едва заметно покачала головой. Инспектор подпрыгнул на месте, юлой повернулся ко мне, и в его черных глазах вспыхнуло бешенство.

– Что?! – крикнул он, зачем-то засовывая обе руки в карманы плотных серых брюк из ячевой шерсти. – Взятку?! Вы оскорбили должностное лицо! Вам это так просто не сойдет!..

– Инспектор, – попытлся вмешаться Креспи, отталкивая меня локтем, чтобы встать между мной и инспектором. – Вы не правильно его поняли! Господин Ворохтин хотел сказать совершенно противоположное...

– Я все правильно понял! – распалялся инспектор, и все норовил схватить меня за руку. Я не уворачивался и не сопротивлялся, но инспектор вроде как все время промахивался. – Оскорбление должностного лица при исполнении им

служебных обязанностей! Вы будете арестованы и жестоко осуждены!

Татьяна повернулась и вышла из палатки. Я, конечно, вляпался, но отступать не намеревался, считая это унижением достоинства. Инспектор действительно принял деньги, которые ему подсунул Столешко, и этот факт ни под каким соусом нельзя было отнести к разряду моей гипертрофированной фантазии. Все, что касалось версии убийства в горах, можно было оспаривать и опровергать. Но за факт взятки я готов был рвать зубами глотки.

– Какого черта ты полез на рожон! – тихо сказал мне Креспи. Его голос на фоне крика инспектора казался очень заботливым и даже родственным. – Извинись сейчас же!

– Но он в самом деле получил взятку от Столешко, – настаивал я. – Почему я должен извиняться?

– Вы арестованы! – сорвавшимся голосом прохрипел инспектор.

Я добровольно протянул руки вперед, но наручников, как и желания выворачивать мне руки, у инспектора не оказалось. Сам факт ареста клаймбера в экспедиционном лагере был нелеп. Такого история мирового альпинизма еще не видела.

– Если ты закроешь рот, – не сдавался Креспи, – то я постараюсь все уладить.

Инспектор вместе со своим гневом ретиво выскочил наружу, словно вынес из палатки вспыхнувший факелом примус.

– Это не все! Мы еще кое-что выясним! – рассыпал во все стороны угрозы инспектор. – Почему отказался идти на помощь, если слышал крики? Почему пытался отравить портера? Вам будет очень тяжело ответить на все мои вопросы!

Я вышел вслед за ним и окунулся в слепящую белизну Гималаев. По тропе к вертолету шла вереница шерпов с ящиками, рюкзаками и баулами. Снег звенел и трещал под ногами носильщиков. Уступая им дорогу, Татьяна встала на самом краю тропы, приблизившись ко мне почти вплотную. Мы стояли рядом, касаясь друг друга пуховиками и нарочито глядя в разные стороны, словно были не знакомы и находились в переполненном вагоне метро. Я смотрел на вертолет, а девушка – на ледник, похожий на замерзшую реку.

Шерпы разбирали каркас малиновой палатки. Ветер игрался ослабленным куполом крыши. Полог хлопал и дергался, как крыло подстреляной птицы. Я сдвинул очки на лоб и провел по лицу рукой. Если долго смотреть на слепящий снег, а потом закрыть глаза, то видятся почему-то зеленые пятна.

– В общем, так, – сказал я. – Слушай и запоминай. Не путайся у меня под ногами! Спрячься, исчезни на месяц, чтобы я тебя не видел и не слышал. Тебе же будет лучше. Уяснила?

– Уяснила, – кивнула Татьяна и поправила повязку на лбу. – Только у меня тоже есть просьба. Расскажи мне всю правду о том, как Столешко давал взятку.

Глава восьмая

Опять не по сценарию

На имени Родиона лежало проклятие, и все, что прямо или косвенно было связано с ним, искрило нервами, словно электрические провода в грозу. Инспектор, чтобы чем-нибудь занять себя во время полета, перебирал бумаги, линейки и карандаши внутри своего портативного чемоданчика, пытался что-то писать в блокноте, но резкие и неточные движения выдавали его: он все время думал обо мне, и внутри него, наверное, все клокотало и кипело от злости, словно смола в чане.

Татьяна, уговорившая инспектора взять ее в качестве пассажирки, прилипла к иллюминатору, глядя на ослепительные горные пирамиды, и внешне не проявляла никакого интереса ни ко мне, ни к инспектору с перекошенным от злости лицом. Она положила ноги на упакованную в чехол палатку, спрятала, чтобы было теплее, руки на груди, запрокинула голову на пухлый, как подушка, капюшон, и ощущение хрупкого уюта, который она создала вокруг себя, невольно передалось мне.

Я делал вид, что дремлю, наблюдая из-под полуприкрытых век за нарочитой суетой инспектора. Тот сам уже был не рад, что заваривал всю эту кашу. Его не устраивала неза-

вершенность нашего нервного разговора, так как он не успел выяснить главного — насколько я опасен для него. Я демонстрировал спокойствие человека, уверенного в своих силах, и это раздражало полицейского более всего. Он не мог знать, какие ходы я подготовил на крайний случай, чтобы защитить себя.

Думаю, что за взятку по непальским законам предусмотрено весьма жесткое наказание, о чем красноречиво говорили руки и плечи инспектора, которые беспрестанно двигались независимо друг от друга, словно на хорошо смазанных шарнирах. Он весь ломался прямо на моих глазах, и его состояние я прекрасно понимал. Допустим, он посадит меня в какой-нибудь жуткий буддистский карцер с крокодилами, и я, как свидетель взятки, стану для него безопасен. Но инспектор не мог не подумать о том, каким боком к нему повернется судьба, если Столешко окажется жив. Живой Столешко — это свидетель номер один: взяткодатель.

Потому инспектор нервничал и неточными движениями тыкал карандашом в блокнот, поглядывая на меня. Его и без того тяжелый взгляд утяжеляли низкие надбровные дуги и черные лохматые брови, и все-таки этот ячий взгляд был здорово подпорчен страхом бойни. Я жаждал скандала и с аппетитом уминал тушенку, вылавливая из банки куски говядины и желе. Яркие круглые пятна света, потоком льющегося через иллюминаторы в салон, ползали по потолку, стенам и полу. Вертолет летел по узким коридорам между скальных

массивов, уходя то круто влево, то круто вправо, словно запутывал преследователя.

Инспектору вскоре надоело перебирать бумажки в чемоданчике. Он принялся бесцельно ходить по салону, каждый раз перешагивая через ноги Татьяны, затем подсел к девушке, пытаясь заинтересовать ее рассказом о величии и красоте Гималаев, но девушка все видела сама и в комментариях не нуждалась.

Инспектор бережно топтал свое самолюбие, постепенно приближаясь ко мне. Его глаза молили о помощи: ему как воздух нужны были мои раскаяние, просьбы о помиловании и тусклый блеск глубокой печали в глазах. Но я не был намерен спасти самолюбие инспектора даже за деньги, и продолжал налегать на тушенку, попеременно откусывая от луковицы и бутерброда с салом и горчицей. Татьяна, любуясь горами, сдержанно улыбалась, словно каким-то образом видела меня и понимала мое состояние. Я предложил ей ломтик "Бородинского" с салом, но девушка не отреагировала.

Наконец, я вытер губы салфеткой, затолкал ее в опустошенную банку, а затем сплющил эту банку ударом ботинка.

– Будь по-вашему, – сказал инспектор, тяжело опускаясь рядом со мной на откидной стульчик и превращая свое темное лицо в символ великодушия. Какой, однако, интересный ход! – Креспи очень просил меня не портить вам жизнь, а я уважаю Гарри.

Я ковырялся в зубах заточенной спичкой. Вертолет сделал

очередной крен, и луч света, как из прожектора, осветил лицо инспектора. Тот стал щуриться и прикрыл глаза ладонью, словно решил поиграть со мной в жмурки и начал водить.

– Я думаю, что причина вашей несговорчивости в предвзятом отношении к Столешко, – сказал инспектор из-под ладони. – Вы почему-то хотите кинуть тень на его имя. Я прав?

– Не просто кинуть тень, – ответил я. – Я хочу, чтобы его судили за убийство и мошенничество.

– Но он же мертв! – стараясь сдерживать себя, процедил инспектор.

– Вы лично видели труп?

Инспектор, стремительно превращаясь в сердитого яка, привстал со стула, склонился надо мной и, упираясь ладонью в иллюминатор, произнес:

– Никто до сих пор не видел трупов жителей Чар Клерка, но нет идиотов, которые бы верили в то, что кто-то из них остался жив⁶.

– Я рад, что в Бангладеш, в отличие от салона нашего вертолета, нет идиотов, – ответил я. – А что касается Столешко, то он живет нас с вами, потому что ходит по земле, а мы летим на этом ржавом вертолете.

– Конечно ходит! – не выдержала Татьяна, присоединяя свой сарказм к нашей милой беседе. – Я даже вижу его. Вон

---

⁶ Один из островов Бангладеш, уничтоженный вместе с жителями циклоном 25 мая 1985 года.

он, мятежный, убегает от йети!

– Как вы не поймете! – прошипел мне инспектор и посту- чал себя кулаком по лбу. – Я хочу вам помочь!

– А я хочу вас огорчить: в ваших услугах я более не нуж- даюсь, – отмахнулся я. – Знаете почему? Потому что пред- ставитель Интерфакса в российском посольстве уже приго- товил трехчасовую кассету для записи интервью со мной.

От моей безупречной лжи цвет лица инспектора слился с цветом берета. Мне страшно было на него смотреть. Каза- лось, его глаза сейчас вылетят из своих орбит, как пробки от шампанского, и попадут мне в лоб.

– Хотела бы я посмотреть на представителя Интерфак- са, – сказала Татьяна, вынимая из пуховика маленькое круг- лое зеркальце и заглядывая в него, – когда он услышит твои басни про обрезанную веревку и дискету с обыкновенными иллюстративными файлами, какие в любой журнальной ре- дакции валяются под ногами...

Она что-то нашла на щеке и сразу забыла о своем жела- нии. У меня в животе урчало от лука, но этого никто не слы- шал из-за рокота двигателей.

– Танюша! – позвал я, вынимая из кармана блокнот и вы- рывая из него лист. – Вот мой московский телефон. Когда князь оштрафует и уволит тебя, то сразу позвони мне. У мо- его соседа много пустых бутылок, может быть, мы тебе по- можем материально.

– Я чувствовала, что ты добрый и, главное, умный чело-

век, — ответила девушка. Ее глазки оживились. Мой тупой юмор повышал ей настроение. — Но меня не за что штрафовать. Я добросовестно выполняла свои обязанности.

— Об этом ты расскажешь Орлову, когда станет известно, как ты кормила базовый лагерь рвотными таблетками и повторяла вслед за инспектором idiotские аргументы в защиту убийцы, в то время как Родион вмерзал в ледник на Плахе.

— Если бы он понимал по-русски, — ответила Татьяна, кивнув на инспектора, — то за такие слова врезал бы тебе по физиономии.

Страсти внутри вертолета накалялись. Несмотря на то, что мы с Татьяной разговаривали столь же нежными по интонации голосами, какими общаются кот с кошкой мартовской ночью, инспектора душила гипертония, вызванная нервным перевозбуждением. Он не понимал русскую речь, но опрометчиво полагал, что я морально разбит его очаровательной единомышленницей. Опасаясь, что он достигнет кондиции раньше, чем мы совершим посадку в аэропорту Катманду, я поманил инспектора пальцем и утешил его:

— Не волнуйтесь! Не думаю, что вас понизят в звании. Какое дело министерству внутренних дел Непала до какой-то скандальной статьи в русской газете об инспекторе-взяточнике? Правда?

Эффект, вызванный моими словами, превзошел все ожидания. Инспектор вдруг растопырил ноги, слегка согнув их в коленях, выгнул вперед шею, отчего стал похож на удивлен-

ного динозавра, и трясущейся рукой принялся расстегивать кобуру.

– Ты у меня посидишь! – отрывисто выкрикивал он совсем не страшные угрозы. – Ты у меня попляшешь!.. Я тебе покажу кино...

Такой момент я не мог упустить. Татьяна уже поднялась со своего места, чтобы своим вмешательством вернуть конфликт в русло вялой перебранки, но я оказался проворнее и с широкого замаха влепил инспектору звонкую пощечину. На короткое мгновение я почувствовал ладонью жесткую щетину и рельефную скулу, затем произошло что-то вроде бесшумного взрыва. Трудно описать, как в эту секунду выглядело лицо инспектора.

– Сумасшедший! – крикнула Татьяна, но я не понял, кому был адресован этот диагноз, так как инспектор, вытащив револьвер из кобуры, поднял его над своей головой и выстрелил.

– Ты... ты...

Чем сильнее он впадал в экстаз злости, тем труднее ему было формулировать свои мысли. Я еще никогда не видел, чтобы наделенный властью государственный служащий так легко и надолго терял над собой контроль. Его тело корежили конвульсии, он шлепал тяжелыми губами и брызгал слюной, дрожащая рука судорожно сжимала рукоять оружия. Прогремел еще один выстрел, затем еще. Я видел, как за его спиной окаменела Татьяна, глядя в продырявленный пото-

лок, из которого тугой струей начала хлестать маслянистая темная жидкость.

С треском распахнулась дюралевая дверка пилотской кабины. Я увидел голову летчика в наушниках и больших темных очках, что делало его похожим на муху.

– Падаем!! – крикнул он.

Это уже не входило в мой сценарий.

Глава девятая

Слово офицера

Мерный рокот лопастей стал быстро деформироваться, напрягаться, превращаясь в тяжелый частый лязг, словно на втулку винта сел верхом какой-то злой демон и, вращаясь вместе с ней, принялся лупить кувалдой куда попало. Я почувствовал, как начал проседать пол, как вертолет "посыпался" с нарастающей скоростью, и машинально ухватился за кожаную такелажную петлю. Инспектора с револьвером повело назад, и он попятился, наступая на ноги Татьяне. Письмоводительница не запищала истошным голосом, что, по моему мнению, в подобной ситуации обязана делать всякая особь женского пола, лишь приглушенно ахнула, увидев в иллюминаторе мельтешащие скалы, да сердито оттолкнула от себя инспектора.

Агония вертолета продолжалась недолго, мотор начало заклинивать, и над нашими головами с ужасным грохотом разорвался редуктор. В то же мгновение фюзеляж ударился о снежный склон, задрожал и, переворачиваясь, бочкой покатился вниз. Грубая сила кинула меня к противоположному борту, затрещала обшивка, вмиг рассыпались стекла иллюминаторов, и мне в лицо ударила струя мелкого снега перемешанного со стеклом. Впору было проститься с жизнью,

но никакая, даже самая короткая мысль не посетила меня в эту критическую секунду. Ослепший, оглохший, потерявший ориентацию в пространстве, я кувыркался вместе с инспектором, Татьяной, рюкзаками и баулами, зачем-то хватаясь за всякий предмет, за который можно было ухватиться, дергал ногами, невольно попадая то по тугому рюкзаку, то по мягкому животу инспектора.

И вдруг хаотичное движение прекратилось и тотчас наступила тишина. Стоп-кадр застал меня в совершенно нелепом положении. Я стоял на голове, ушедшей в рыхлый снег по плечи, руки были разведены в стороны и придавлены хламом, одна нога крепко запуталась в какой-то петле, которая и поддерживала меня в вертикальном положении, а вторая была свободна, и я продолжал ею дергать.

– Черт вас подери, инспектор! – крикнул я, выковыривая снег из ушей. – Зачем вы прострелили маслопровод?

В салоне, сумеречном, наполовину засыпанном кашей из снега и вещей, а потому ставшим неузнаваемым, стоял крепкий запах керосина и жженого металла. Я выпутывался из петли, словно муха из паутины. Где-то рядом капало и журчало, сливалась в снег вертолетная кровь. Со скрежетом на меня свалился покореженный кронштейн, крепко треснув меня по темечку.

– Татьяна! – заорал я от боли, потирая ушибленное место. – Что ты притихла? Где прячешься?

– Мне отдалило мошонку! – сдавленным голосом просто-

нал инспектор.

Только сейчас я заметил, что он стоит на четвереньках и трясет головой, как искупавшаяся в пруду собака.

Я смог подняться на ноги. Голова все еще гудела, словно была отлита из качественного чугуна, но тело слушалось. Отводя в сторону торчащие сверху обрывки проводов, я перешагнул через баррикаду из мокрого, как сырой гипс, снега и баулов, и увидел сидящую под пустым проемом иллюминатора Татьяну. Она прижимала ладони к лицу и покачивалась, словно молилась.

Я присел перед ней и тронул ее за плечо.

– Все цело? Нос, уши, глаза?..

– Да отстань ты! – из-под ладоней ответила Татьяна. – Доигрался, чучело!

– Кто доигрался? – вспыхнул я. – У своего инвалида лучше спроси, зачем он подбил вертолет! Зенитчик с берегов Брахмапутры!

– Не надо было его дразнить!

– Дразнить! – проворчал я и ударил ногой по двери. – Что я тебе, торреадор, чтобы дразнить этого психопата?.. Перевяжи его, – добавил я, выпрыгивая наружу. – Вертолет ему на мошонку упал.

Помятый, с разбитой вдребезги пилотской кабиной, вертолет чудом держался на крутом заснеженном склоне, опираясь на большой сугроб. Утопая в снегу по колени, я обошел фюзеляж, едва ли не с мистическим ужасом осознавая

редкость и масштабность своего везения. Тяжелый редуктор проломил крышу, но не упал бомбой внутрь салона только потому, что зацепился обломками лопастей за края дыры. Я хотел перекреститься, но вместо этого зачерпнул в ладонь снега и прижал его ко лбу.

– Эй, пилот экстра-класса! – позвал я, подходя к разбитой кабине, похожей на изуродованную вандалами телефонную будку. – Ты живой или притворяешься?

Чем ближе я подходил, тем меньше мне хотелось заглядывать в кабину через битый плексиглас. За свою альпинистскую практику я вдоволь насмотрелся на трупы. Но среди ледников, словно в гигантском холодильнике, они не были страшны. В разбитой пилотской кабине, по моему мнению, меня ожидало нечто из фильма ужасов, нехорошая мясо-котлетная субстанция, и я был не настойчив в своем продвижении к кабине. Пилот не отзывался. Скалы с острыми гранями, обступившие место катастрофы, аккумулировали вокруг себя тишину, и потому в ушах резонировал стук моего сердца, словно шаман в экстазе бил меня по голове бубном.

– Пилот! – совсем тихо произнес я и бережно взглянул на кресло.

Воображение, как часто со мной бывало, немислимо превосходило реальность. Ни живого, ни мертвого пилота в кабине не было. На пустом кресле блестяли осколки пластика. Маленькая дверь была вырвана вместе с петлями и держа-

лась на пружинах.

– Ушел, не попрощавшись, – высказал я свою обиду, про-сунув голову между острыми краями битого окна. – Теперь мне понятно, почему вертолет падал так быстро.

– У него сломано бедро, – услышал я голос Татьяны.

– Интересно, – вслух подумал я, – если он спутал мошонку с бедром, не означает ли это, что свою задницу он ошибочно принимает за...

– Может, ты заткнешься? – попросила девушка. – Иди сю-да, надо шину наложить.

Мы вытащили инспектора на снег. Точнее, тащил только я, а Татьяна поддерживала навесу его правую ногу. Но все равно инспектор скрипел зубами и орал во всю глотку. Я, конечно, не изверг, и прекрасно понимал, что несчастному приходится не сладко, и все же пытался обратиться к его со-вести и стыду – нельзя же так вести себя мужчине перед де-вушкой и перед снежными карнизами, готовыми от малей-шего шума сорваться на нас лавинами.

Татьяна без моей помощи принялась прилаживать к ноге инспектора обломок дюралевой рейки. Я топтался вокруг и смотрел по сторонам. Вопли инспектора разлетались во все стороны ущелья и эхом возвращались обратно.

– Ну? – нервно крикнула мне Татьяна, туго стягивая кон-цы бинта. – Что ты хочешь сказать?

Если бы я сказал ей все, о чем в этот момент думал – она бы застрелилась из своего "макарова".

– Я знаю, что у тебя на уме, – не дождалась она от меня откровения.

– Тогда прими соболезнования, если ты такая догадливая, – ответил я.

– Его придется тащить на себе, – высказала она оригинальную мысль.

– А я думал, что ты мне предложишь отремонтировать вертолет.

– Где мы находимся? Хотя бы приблизительно.

– В Гималаях. Полагаю, что нас окружают горы.

– Не остроумно!

– Мое остроумие, милая, исчерпалось на базе и там, на небесах. А здесь вообще нет желания ни говорить с тобой, ни слушать твоего ворошиловского стрелка... Эй, господин инспектор! Это вам не Ла Скала, убавьте, пожалуйста, громкость!

– Ему надо сделать укол промедола!

– Надо – делай! Что ты смотришь на меня, как невеста на часы перед брачной ночью?

С ее энергией горы вверх дном переворачивать, подумал я после того, как Татьяна засветила мне в лоб снежком. Я повернулся к инспектору спиной, присел и завел его руки себе на плечи. Он был тяжелым, почти неподъемным, как рюкзак на высоте выше восьми тысяч метров, только отличие инспектора было в том, что его, как рюкзак, нельзя было скинуть в пропасть.

– И куда мы пойдём? – спросила Татьяна.

Я выразительно посмотрел на нее и сквозь зубы процедил:

– Уж конечно не вверх по склону.

Утопая в рыхлом снегу, я сделал несколько шагов и сразу устал. Ноги инспектора оглоблями торчали с обеих сторон от меня и все время норовили врезаться в снег. Руками он обхватывал мою шею так крепко, что я не мог сказать определенно: или он просто держит меня, чтобы я не убежал без него, или же на всякий случай пытается меня задушить.

Татьяна, подкравшись к нам с аптечкой, всадила инспектору в зад иглу шприц-тюбика. Инспектор замычал и обмяк. Мы начали спускаться, удаляясь от чадящего вертолета. Татьяна шла впереди меня, протаптывая тропу и часто оглядываясь, словно хотела удостовериться, что я все еще демонстрирую свое феноменальное благородство.

– Вам удобно? Я не слишком быстро иду? – заботливо спрашивал я инспектора, когда останавливался, чтобы перевести дух. Тяжелые скальные массивы, похожие на крепостные башни, плыли перед моими глазами, как театральные декорации, пот лился по лицу, разъедая кожу. Она нестерпимо зудела, и я мечтал впиться в щеки ногтями и разодрать их до крови.

Наверное, ни я, ни инспектор не владели английским в той степени, чтобы в полной мере передать друг другу оттенки настроения. Полицейский воспринял мои полные ненависти слова так, словно я признал свою вину.

– Нога немеет, – с недовольством ответил он. – Вы не идете, а прыгаете.

– А вы предпочли бы, чтобы я полз? Или летел вниз головой?

– Я предпочел бы, чтобы вы обращались со мной так, как я того заслуживаю! – сердито выпалил инспектор, даже не подозревая, что он нажал на кнопку сброса бомбы. И я тотчас эту бомбу сбросил.

Свалившись в сугроб, инспектор взвыл на высокой ноте, словно Моська, угодившая под ноги слона. Не оборачиваясь, я продолжал идти вперед как ни в чем не бывало.

– Я вас... я вас... – орал дурным голосом инспектор. – Немедленно... Я требую...

Мне стало смешно. Я остановился и обернулся. Инспектор глубоко ушел в снег, почти по плечи, и напоминал пережаренного и злого Колобка.

– Ну? – усмехнулся я. – Что вы требуете? Что вы вообще можете сейчас сделать самостоятельно?

Страдая от отдышки, Татьяна подошла ко мне, с трудом вытаскивая глубоко увязающие в снегу ноги.

– Это уже слишком, – прошептала она, убирая с глаз светлую челку. – Не издевайся над раненым.

– У тебя иней на ресницах выступил, – заметил я.

Татьяна покусывала губы. Инспектор хрипел и разгребал вокруг себя снег, словно он был оленем и хотел ягеля.

– А у тебя, – произнесла девушка жестко, – мозги на лбу

сейчас выступят, если посмеешь оставить его.

– Оба! – воскликнул я. – Еще один стрелец! И чем ты пытаешься меня испугать? Своим пистолетиком? Ты сможешь выстрелить в меня? В свою жизнь? В свое спасение? В сексуально привлекательного молодого человека, в конце концов?

Я играл ее волей, и Татьяна ненавидела меня за это. Она опустила лицо и отвернулась, чтобы я не увидел ее беззвучного смеха.

– Стреляешь на счет "три", – я нежно потрепал девушку за прядь, тем самым добивая ее окончательно. – Мобилизуйся. Представь, что ты Мухтар, служишь на границе, а я нарушитель... Раз! Два!.. Три!

Я дырявил ботинками снежную доску, наступая на собственную тень. Солнце стояло высоко, и короткая тень напоминала Санчо Пансо. Мне в затылок дышали немотой горы. Снег искрил, мелко передразнивая солнце. Сугробы и заструги изображали женские округлости. Все вокруг было жизнерадостным. Никто в меня не стрелял.

Остановившись, я обернулся. Татьяна сидела на снегу и держала в ладонях лицо. Плечи ее вздрагивали. Злой Колобок безмолвно тарасил на меня глаза, будто подавился ягелем.

Я вернулся по своим следам, присел рядом с Татьяной.

– Смотри, – сказал я. – Подснежник!

Татьяна опустила ладони, и я поймал пальцами ее нос.

– Иди к черту, – беззлобно попросила она, оттолкнула ме-

ня и убрала со щеки слезу.

– Посуди сама, – примирительно сказал я, поглядывая на притихшего инспектора. – Разве могу я с оптимизмом нести на себе этого истребителя вертолетов, если он собирается посадить меня в тюрьму?

– Меньше языком мели!

– Хорошо. Тогда поговори с ним сама.

– Что ты хочешь?

– Во-первых, чтобы не вешал на меня Бадура. Если твои таблетки в самом деле не ядовиты, то портер скорее всего налакался протухшей ракши. А во-вторых, я хочу, чтобы инспектор возбудил уголовное дело по факту убийства Родиона.

Татьяна вскинула голову и посмотрела на меня сквозь дрожащие слезы.

– Ты... – произнесла она, поднимаясь на ноги и отступая назад. – Ты, вообще, представляешь, кто ты такой? Ты способен оценить свои поступки? Ты же маньяк! Тобой управляет навязчивая идея!

– Неужели уговорить инспектора тебе труднее, чем тащить его на себе с горы?

– Можешь проваливать, – глухим голосом ответила Татьяна. – Я ни о чем не буду с ним говорить.

– Даже ради его жизни и своего благополучия?

– Ты напрасно считаешь себя незаменимым.

– У тебя есть выбор?

– Сюда скоро должен прилететь спасательный вертолет.

– Сюда? Скоро? – возмутился я наивности девушки. – Это же Гималаи, милая! И находимся мы в Непале!

– Не называй меня милой!

– Тогда я буду называть тебя глупой. Когда сюда прилетит спасательный вертолет, инспектор умрет от гангрены, а ты сойдешь с ума от печали.

– Зато ты, наверное, будешь счастлив!

– Господи, и как только твое солнечное личико выдерживает столько презрения!

– Ты достоин не только презрения! Дебил!

– Нахожу успокоение в том, что ты, в конце концов, слушаешься этого дебила.

Инспектор не терял времени даром и внимательно прислушивался к нашей беседе на непонятном для него русском языке. По интонации он должен был догадаться, что до взаимного признания в любви еще далеко, а это не в его пользу. Дождавшись паузы, в ходе которой Татьяна мысленно модулировала новые оскорбления в мой адрес, он зашевелился в своем окопе и могильным голосом позвал меня:

– Подойдите, пожалуйста... Кхы-кхы... Ворохтин... господин Ворохтин...

Татьяна, следуя извечному бабьему инстинкту руководить мужчиной, к которому неравнодушна, не преминула меня вдохновить:

– Иди же, не стой!

– На бой Руслана с головой, – добавил я и послушно подошел к Колобку. Он грустил, словно его покусал высокогорный цзо, но во взгляде еще присутствовала сталь.

– Сядьте, – предложил он, хотя сесть я мог только ему на голову. – Давайте поговорим как мужчина с женщиной. Я, действительно, немного погорячился.

И он кинул полный раскаяния взгляд на покореженный вертолетный фюзеляж.

– И с Бадуром вы погорячились, – тотчас принялся я отвоевывать оккупированные позиции.

– Но он сказал мне, что вы отравили его какими-то таблетками.

– Эти таблетки мне дал врач. Обыкновенные витамины.

– Допускаю. Из рта Бадура сильно пахло спиртным.

– Вот видите: портер страдает редкой формой высокогорного алкоголизма, а вы сразу обвинили меня в коварном умысле.

– Да разве это я? – махнул рукой инспектор и принялся отрывать ледяные колтуны с обтрепанных рукавов свитера.

Инспектор соглашался со мной запросто. Он уступал в мелочах, чтобы я уступил ему в главном.

– И криков о помощи не было, – внес я еще один пункт обвинения в список на реабилитацию.

– Да я знаю!

"Вот же бегемот сырокопченный! – подумал я, глядя на голову инспектора, как козел на кочан капусты. Обо всем знал,

а слюной брызгал!"

– Но и вы меня правильно поймите, – взял инициативу инспектор, кидая на меня короткие взгляды. – То, что вы называете... Я имею ввиду поступок Столешко... Это совсем не то, что вы думаете...

– Вы имеете ввиду взятку? – помог я инспектору справиться с подбором термина.

– Да разве это взятка! – болезненно поморщился инспектор. – Там денег было на две бутылки пива, а вы столько шума подняли!

– Если мы не выловим Столешко, то он поднимет еще больше шума! – предупредил я. – И тогда вы со своей ногой сможете только плевать в потолок тюремной больницы.

Инспектор думал над моей последней гипотезой долго. Он уже очистил от льда рукава, но продолжал теревить их, вытягивая нитки. Перспектива плевать в потолок его явно не устраивала.

– Но это же смешно! – вдруг вмешалась в разговор Татьяна. Она подкидывала на ладони отполированный теплом ее рук снежок, словно готовилась метнуть его мне в лоб.

– Ах, какая смешливая выискалась! – ошетинился я, предчувствуя серьезный натиск со стороны девушки. – Тебя же предупредили – разговор мужской! Лучше тропу пробивай, чтобы мне легче было нести инспектора.

– Инспектор, он толкает вас на должностной подлог!

– За раскрытие преступления Столешко вам дадут ор-

ден, – пообещал я, тоже скатывая снежок.

– Родственники погибшего Столешко потребуют от вас компенсации за моральные убытки! – пригрозила Татьяна.

– Вспомните про потолок, – вернулся я к самому сильно-
му аргументу. – Если мы не обезвредим Столешко, то он вас посадит.

– Мне жаль ваши звезды, – вздохнула Татьяна.

У инспектора лопнуло терпение. Он дернулся в своем су-
гробе, отмахнулся от солнечных лучей и сердито крикнул:

– Тихо! Всем молчать!

Мы подчинились. Казалось, в наступившей тишине утом-
ленные горы облегченно вздохнули. Инспектор наморщил
свой лоб древесного цвета и погрузился в раздумия. Он взве-
шивал все "за" и "против", причем этот процесс раскачивал
его из стороны в сторону.

– Сделаем так, – наконец огласил он приговор, опираясь
руками о снежную доску перед собой. – У нас все-таки недо-
статочно аргументов для того, чтобы возбудить против Сто-
лешко уголовное дело. Можно сказать, их вообще нет. Я мо-
гу проявить настойчивость и взяться за это дело, но мини-
стерство не выделит мне ни одной рупии.

– Меня интересует не столько возможность расследова-
ния этого дела, – мягко поправил я, – сколько ваше офици-
альное заключение.

– Ну какие еще могут быть вопросы, инспектор! – взо-
рвалась Татьяна. Снежок просвистел над моей головой. – Он

же открытым текстом говорит, что добивается официально-го признания Столешко преступником! Ему во что бы то ни стало надо кинуть тень на альпиниста! Вы посмотрите на его физиономию! Он даже не скрывает ухмылки! Может быть, это он сам убил Родиона!

Кажется, она даже испугалась такого крутого заноса, вмиг замолчала и опустила глаза. Инспектор с вялым любопытством взглянул на меня, чтобы убедиться, что я в самом деле не скрываю ухмылки. Я пожал плечами и развел руки в стороны, бессловесно возмущаясь хулиганской выходке Татьяны.

– А что вам лично даст официальное заключение? – спросил он, выгибая дугой одну бровь.

– То, что мошенник Столешко уже не сумеет осуществить свой коварный замысел и завладеть наследством князя Орлова.

Инспектор стал нервно покусывать кончики усов. Он мысленно цыганил, чем для него может обернуться ошибка в оценке происшествия.

– Это ваше единственное условие? – уточнил он размер гонорара за мои услуги.

Я кивнул. Татьяна, чувствуя, что инспектор готов протянуть мне руку, с презрением сказала:

– Стыдно смотреть, как вы продаетесь!

Пристыженный инспектор посмотрел на Татьяну и задал очень хороший вопрос:

– А вы сможете донести меня до ближайшей деревни?

– Попытаюсь! – огрызнулась Татьяна.

– В таком случае я откланиваюсь, – сказал я.

– Подождите! – рассердился на меня инспектор. – Что вы все время прыгаете? Сделаем так... – Он еще некоторое время оформлял мысль и, наконец, вынес вердикт: – Если вы доставите меня живым до ближайшей деревни, откуда я смогу вызвать вертолет, то гарантирую вам, что в ближайшее время вышлю на МВД России официальное сообщение о том, что случилось в горах. В нем я подробно изложу вашу версию о пластической операции и выскажу рекомендацию проверить личность человека, который будет выдавать себя за Родиона Орлова. Это вас устраивает?

– Устраивает, – согласился я. – Но где гарантии, что вы не передумаете?

– Даю словно офицера, – шевельнул усами инспектор.

Татьяна усмехнулась, молча закинула на плечи лямки рюкзака и пошла вниз.

Глава десятая

Вхождение инспектора в дорхан

Я не поленился, сходил к останкам вертолета, свинтил из салона скамейку, обшитую ледерином, и соорудил из нее некое подобие саней. Этот шедевр инженерной мысли настолько хорошо скользил по снегу, что мне иногда приходилось кидаться навзничь, чтобы удержать его лихой полет по склону в пропасть. Татьяна постоянно отставала от нас, настроение ее было испорчено не только тем, что инспектор принял мои условия; ее огорчало, что она первой не додумалась до такого простого способа эвакуации раненого.

Мы быстро сбрасывали высоту, и нам все чаще попадались обширные проталины, поросшие пожухлой травой. Снежки или языки натечного льда были моими союзниками, и я с тоской смотрел, как снизу на нас надвигаются теплые альпийские луга и пастбища, по которым мне придется нести инспектора на себе. Татьяна в предвкушении мести даже пустилась вниз бегом, чтобы первой выйти за границу ледника и там полюбоваться моим ищачеством и вволю позлорадствовать.

Но судьба оказалась более благосклонной ко мне, нежели к ней. Едва нам под ноги лег травяной ковер, и я, взвалив инспектора себе на спину, сделал несколько шагов, как

нам открылась великолепная панорама прикрытого дымкой ущелья, разрезанного вдоль шумной зеленоводной рекой. По обе стороны от нее ступенями поднимались террасы с разноцветными лоскутами пашни, а к сыпучему склону налипли два-три десятка лепных домиков с угловатыми соломенными крышами.

– Деревня!! – закричал я.

Татьяна попыталась испортить мне настроение:

– Это еще не значит, что отсюда можно связаться со спасателями.

– Можно, – охотно возразил инспектор, жадно всматриваясь в струйки дыма над жилищами. – Возможно, это река Тамур... Что же вы встали, Стас?

– Если бы вы, инспектор, не поддались панике и трусости, – глухо произнесла Татьяна, – то вам не пришлось бы давать этому жулику дискредитирующее вас обещание. Ручаюсь, что до этой деревни я бы вас смогла донести.

Я посмотрел на девушку и зарычал, так как на ум не пришло подходящего ругательства. Татьяна как ни в чем не бывало стаскивала с себя лишнюю одежду. Я смотрел на этот альпийский стриптиз и продолжал изображать из себя разъяренного хищника. На траву упали объемный пуховик, свитер, синтепоновые брюки-комбез... Девушка с иронией поглядывала на меня, худея прямо на глазах. Я подумал, что если она не перестанет разоблачаться, то с последней деталью одежды она исчезнет, как облачко пара. Оставшись в плотно

облегающих шерстяных колготках и футболке с короткими рукавами, Татьяна затолкала добрую половину своего прежнего объема в рюкзак, надела легкие ботинки "Пантера", забросила на плечи рюкзак и, сказав нам "ЧАО!", быстро пошла в деревню.

Мы с инспектором недолго провожали ее взглядами.

– Тонкая какая, – повторил мои мысли инспектор.

– Не донесла бы, – скептически произнес я.

– Что не донесла? – не понял инспектор.

– Вас не донесла бы. Умерла бы на полпути от печали.

Я расшнуровал и принялся стаскивать с инспектора высокие крепкие ботинки. Три кило долой. А вот медную бляху с четырехзначным числом, что означало принадлежность к младшему офицерскому составу, выкидывать как балласт инспектор наотрез отказался.

Я завалил ботинки инспектора и свой пуховик булыжниками, пометил клад корявой высохшей веткой и взвалил инспектора на спину.

– Не торопитесь, – попросил он со сдавленным стоном. – Что-то опять прихватило...

Идти по "сыпучке" было труднее, чем по снегу. Инспектор снова душил меня, и пот снова заливал мне глаза, зудел на спине и груди. Я облизывал пересохшие губы, мечтая о какой-нибудь чистой выбеленной комнатухе с нарами в углу, где будет сладко пахнуть скотиной, ячьим молоком и печным дымком; приветливая хозяйка подаст мне горячий чай

с лепешкой; через маленькое окошко будет проникать шум листвы и скачущей по порогам реки; не вставая можно будет любоваться узкой пыльной улочкой, а гор не будет видно вовсе.

– Вы сказали, что это река Тамур, – прохрипел я.

– Я так думаю, – после паузы уточнил инспектор. Он то ли засыпал, то ли устал держать голову прямо, и его подбородок острым клином стучал по моему плечу.

– А как называется деревня?

– Может быть Дорхан. Или Джируфа, – неуверенно ответил инспектор и снова тукнулся подбородком мне в плечо. – Нет, вероятнее всего Дорхан.

Я подкинул его на себе, и офицер клацнул зубами.

– А Хэдлок отсюда далеко?

– Что? Хэдлок? А зачем вам Хэдлок?

Я хотел сходу соврать, что там живет моя бабушка, но вовремя остановился.

– Если не ошибаюсь, – медленно говорил я, давая инспектору понять, что я не верблюд, и мне тяжело говорить и нести его одновременно, – там проходит тропа к восточным склонам Ледяной Плахи.

– Ну и что? – подозрительно цепко пристал ко мне инспектор. – Да, тропа, а вам-то какое до нее дело?

Черт дернул меня за язык! Я снова подкинул на себе инспектора и, набрав полную грудь воздуха, дал исчерпывающий ответ:

– Раз там проходит тропа альпинистских экспедиций, значит, местные жители торгуют бывшим в употреблении снаряжением, и я смогу поменять ботинки, которые уже наполовину сожрали мои ноги, и я иду на культах, и чувствую боль не слаще вашей, и уже силы мои на пределе, и мне кажется, что проще скинуть вас здесь и самому сходить за быком, впряженным в повозку, черт вас подери!

Инспектора удовлетворил мой ответ, и он больше не задавал мне вопросов относительно Хэдлока и вообще не раскрывал рта до тех пор, пока я не стукнулся головой о подвесной бамбуковый водопровод, и высыпавшиеся из моих глаз искры не осветили чумазных детей, обступивших нас плотным кольцом.

– Приехали! – возвестил он тогда голосом Иисуса, вошедшего в Иерусалим, и я, уставший исполнять роль молодого библейского ослика, свалил его на кучу сушеной кукурузы, а затем повалился рядом с ним, ибо не осталось сил, чтобы держать на ногах даже самого себя.

Был душный непальский вечер. Нас с инспектором несли на носилках бритоголовые монахи в хламидах цвета запекшейся крови. Тесную улочку как тисками сдавливал с обеих сторон нескончаемый ряд выложенных из камней хибар, сараев, овчарен и убогих торговых лавок. На нас смотрели бронзовые идолы с оскаленными дырявыми ртами, закамуфлированные пятнами грязи попрошайки и надменные йоги. Сладко пахло фимиамом и специями. Женщины в крас-

ных сари и с золотыми медальонами в носу держали на головах кувшины и старые пластиковые канистры из-под бензина. Лобастые, с широко расставленными глазами дети стояли вдоль дороги босоногим строем. Меланхолические коро-вы, оставляя за собой коричневые кучки, пилились на нас своими добрыми глазами. Все ликовали. Деревня встречала раненого инспектора из Катманду со сдержанным экстазом. Мне казалось, я сплю, потому что такой сладкий полет над головами добрых людей бывает только во сне.

Людской поток, в котором мы плыли, становился все более плотным и шумным. Приподнимая слабую руку, инспектор двумя пальцами руководил движением, указывая направление, хотя идти по узкой дороге можно было только прямо или обратно. Его жесты жадно впитывали в себя десятки глаз. Монахи, идущие сзади, приподняли носилки выше своих голов, чтобы инспектор не свалился с них, и эскорт начал подъем на пустынный, насквозь прогоревший и выветренный бугор, поросший пожухлыми колючками. Я где-то слышал, что буддизм – самая миролюбивая религия, но в те минуты меня начал грызть червь сомнения, потому как я ничего не знал об обрядах жертвоприношения. Но только я собрался уточнить у инспектора, есть ли что-нибудь общего между этим бугром и Голгофой, как увидел одинокий выбеленный известью двухэтажный дом, с треугольной соломенной крышей, миниатюрными окошками, закрытыми белыми ставнями, и широкими коричневыми полосами по перимет-

ру. Рядом с дверью висел кусок фанеры, на котором неровными буквами было начертано: "STATION-MASTER"⁷.

Те несколько минут, пока нас заносили внутрь жарко нагретого помещения и усаживали в глубокие плетеные кресла, пока женщина с золотыми украшениями вместо носа подавала нам чай с жирным ячьим молоком, а инспектор, изогнув одну бровь, принимал доклад очень взволнованного шерпы, который по-петушиному выкрикивал гортанные, лишённые протяжных гласных слова, отдавая честь оттопыренной пятерней, я перебирал в уме варианты станции, на которой мы находились. Конечно, это была не железнодорожная, не конно-почтовая и не лодочная станция. По-видимому, и не спасательная. Прихлебывая из эмалированной кружки с отколотыми краями, я рассматривал начальника станции и монахов, число которых быстро уменьшалось, словно они были сделаны из снега и незаметно таяли.

Закончив доклад, начальник станции стащил с головы белую с красным узором шапочку топи и вытер ею пот со лба.

– Мне надо срочно связаться с полицией в Катманду, – сказал инспектор по-английски и выразительно посмотрел на меня, вот, мол, я держу свое слово.

Начальник торопливо взглянул на часы, выдал беспомощную фразу о том, что министерство связи выделило им более позднее время, на что инспектор лишь насупил брови и кашлянул. Отойдя в угол комнаты, огороженной занавеской, на-

---

⁷ Начальник станции.

начальник благоговейно сдвинул ее в сторону и сам встал так, чтобы не мешать нам созерцать идола цивилизации. В углу стояла гробоподобная радиостанция, какой еще наверняка пользовались английские колонизаторы в соседней Индии.

Вместе с начальником мы перенесли инспектора к радиостанции. Некоторое время мы ждали, пока в достаточной степени нагреются лампы, затем начальник при помощи скрипящей рукоятки настроился на полицейскую волну, надел на голову инспектора обод с наушниками и протянул микрофон.

Сквозь шум и треск помех я слышал далекий голос дежурного связиста. Инспектор спросил у него, готов ли тот принять информацию особой важности. Разговор шел на английском. Я встал с кресла и принялся прохаживаться по комнате, рассматривая закопченные стены. Комната была изолированной, никаких других дверей, кроме входной, в ней не было. Маленькое окошко наполовину было закрыто фанерой, наполовину – мутным стеклом. Если его аккуратно выставить, думал я, то все равно нельзя будет пролезть через раму – плечи застрянут.

Инспектор докладывал об исчезновении "русской двойки" обстоятельно. В выводах он был сдержан, зато живо обрисовал сложные погодные условия и те трудности, которые выпали на его долю.

Обойдя комнату, этот экзотический офис начальника радиостанции, я встал за спиной инспектора, вполуха слушая

его доклад. На стене, над станцией, были прибиты терновыми шипами разновеликие бумажки с приказами и распоряжениями, графиком выхода на связь и перечнем радиочастот. Я скользил взглядом по списку частот, предназначенных для связи с различными анчолами⁸. Деревня Хэдлок была дописана внизу от руки в столбце с другими деревнями.

Начальник станции, заметив мой интерес, собрался было прокомментировать список, но в это время его вниманием всецело завладел инспектор, пуская в эфир прозрачные намеки на криминальную основу происшествия в горах. При этом он ссылаясь на дискету с программой "Создание портретов" (в переводе на русский его термин прозвучал именно так) и на ксерокс "прайса с услугами в области транссексуализма". В общем, я за голову схватился, представив, в каком виде придет моя информация из Непала в МВД России. Утешило только то, что инспектор старательно, по буквам передал имена Родиона и Столешко.

Я вышел на крыльцо, если так можно было назвать грубо сколоченную реечную решетку, брошенную под ноги, и две красные пустые бочки из-под соляры, стоящие перед входом на манер колонн. Ветхая дверь "STATION-MASTER" не имела никаких признаков замка, что отозвалось в моей груди теплой волной нежности к скромной и честной жизни горных непальцев. Я обратил внимание на кривое высохшее полено, приставленное к стене. Оно стояло здесь не случай-

---

⁸ Административные зоны Непала.

но, но было пригодно разве что для изготовления горбатого Буратино. Судя по всему, начальник подпирал этим поленом дверь на ночь.

– Скажите, – обратился я к начальнику, который с раскрытым ртом нависал над инспектором. – Вы не видели в деревне девушки с рюкзаком?

– Альпинисты и туристы заходят сюда часто. Были и девушки, – ответил начальник.

Он не совсем точно понял меня, но я не стал переспрашивать. Она так просто не успокоится, думал я о Татьяне. Спать не будет, есть не будет, в лепешку расшибется, отыскивая новые доказательства того, что криминала не было. А вот этого-то мне и не надо... И все же жалко девчонку. Раз она так мечется, значит очень боится потерять работу у князя. Но с другой стороны: если что и случилось с Родионом, разве за его жизнь вправе отвечать простой делопроизводитель?

– ... однако вертолет внезапно стал терять высоту, – диктовал в микрофон инспектор. – Мне удалось выснить, что произошла поломка одного из маслопроводов, что и привело к заклиниванию двигателя. Я подготовил пассажиров к аварийной высадке...

Я вспомнил, как мы кувыркались в салоне, словно в шейкере. "Ничего не скажешь, подготовил он нас, – подумал я. – Королевский орден зарабатывает."

– Вы не могли бы устроить меня на ночлег в этом доме? –

спросил я у начальника.

Землистое лицо непальца стало еще темнее от выражения глубочайшего сожаления. Прежде чем дать мне отлуп, он долго теребил вязанную бордовую безрукавку и несколько раз тяжело вздохнул.

– Для приезжих у нас есть отель "Як", – ответил он.

– Далеко отсюда?

– Это рядом с моим домом. Минут десять... Вы можете отнести инспектора ко мне?

– Вертолет будет завтра утром, – сказал инспектор, снимая наушники и, взглянув на меня, добавил: – А вашу информацию отправят в Москву не позднее завтрашнего утра.

Я пожал инспектору руку и взялся за носилки.

Глава одиннадцатая

Долг величиной в пощечину

Гостиничный номер здорово смахивал на тюремную камеру с той лишь разницей, что на окне не было решетки, как, собственно, и стекла. Завешенное синтетической противомоскитной сеткой, оно пропускало в комнату все сказочные звуки и запахи непальской деревни.

Смеркалось. Я сидел за хромым столом, который не падал только потому, что опирался о стену, которая в свою очередь не падала благодаря двум крепким бамбуковым шестам, подпирающим ее от пола. На чем держался пол я не знал, архитектурный модерн отеля "Як" выходил за пределы моих познаний о строительстве. При скупом свете керосиновой лампы я убивал время, читая дневник Столешко. Это было скучное и занудное описание восхождения на Канченджангу, изобилующее монотонным перечислением малозначимых событий: *"Проснулся. Встал. Оделся. Погода так себе. Ел рис..."* и душевных страданий, вызванных завистью к более удачливым членам команды: *"Эта шепелявая сволочь обещала, что двойка Гарвенко-Сидорич закинут кислород в штурмовой лагерь для меня и Пацюка, чтобы мы поднялись туда налегке и сохранили силы для последующего штурма вершины. Но вчера вечером он передумал и сказал, что двой-*

ка Г-С выйдет на штурм первой, а мы с Пацюком будем обеспечивать ихнее восхождение. А когда мы пойдем – хрен его знает. Всю ночь не спал из-за этого. Кому-то бабки и почет, а кому-то кукиш со смальцем..."

Из тетради выпало помятое письмо Столешко, которое мы сочинили в гостинице в Катманду. Татьяна, когда прочитала его, удивительно быстро догадалась о том, что это "липа". И про конверт, которого никогда не было, не случайно спросила. Умная головушка, не спорю. Вот только ее предположение, что почерк Столешко выдает в нем "виртуоза лжи" – слишком смелое заявление. Нормальный, на мой взгляд, парень, согласился помочь нам. Не бескорыстно, конечно. Но кто сейчас помогает кому-либо бескорыстно?

Я пригасил фитиль, встал из-за стола и подошел к окну. Сумерки засыпали ущелье темнотой быстро и безнадежно, как шахту углем. Улица притихла. В оконных проемах хиба-ры напротив тускло светились керосиновые фитили, по темным стенам и потолкам двигались тени. Я видел сферу странной и непонятной для меня жизни непальской семьи, пространственной как Гималаи, незагруженной цивилизованными проблемами, аскетической настолько, что мой избалованный организм воспринял бы ее как жестокое наказание. Если бы эти люди могли заглянуть мне в душу, прочитать мои мысли, то приняли бы меня за инопланетянина, интеллект которого работает в ином измерении. И спросили бы меня непальцы: "А зачем это все надо?" И я не смог бы ответить.

Я вышел в коридор и по скрипучей лестнице спустился в холл, здорово напоминающий подземный гараж, только без торцевых стен. За столиком, сервированным кофейным набором, сидели два седовласых джентльмена с полными ртами ослепительного фарфора. Они кивнул мне и приветствовали: "Хай!" Кажется, это были англичане, которые строили в деревне школу. Китченбой в приталенной рубаше навыпуск предложил мне ужин из отварного риса и рисовой водки, но я отказался.

– Если меня будет кто-нибудь спрашивать, – сказал я официанту, – инспектор или... или русская девушка, скажи, что я вернусь минут через сорок.

Шансы, что в столь поздний час я буду нужен этим людям, были ничтожны, но я преследовал другую цель: поставив рядом с собой имя инспектора полиции из Катманду, моя ночная прогулка по деревне в мыслях официанта уже не должна была вызывать недоумение и вопросы.

Сунув руки в карманы, я вальяжной походкой пошел по улице, и едва плотная тень скрыла меня от взглядов англичан, ускорил шаги. Призрачно-синий конус горы, нависающей над деревней, освещал улицу ровно настолько, чтобы я сослепу не налетел на какой-нибудь забор, ограждающий тихое бормотание скота, но больше я ничего не видел, и глаза привыкали к темноте очень медленно. Дорога не отличалась идеальной поверхностью, и всякий раз, когда я спотыкался о колдобины, намеревалась встать дыбом и припечататься к

моему лицу. Проще было купить эфирное время, думал я. Мысль эта была бесполезной и вредной, но именно такие сидят в мозгу особенно крепко.

Я скорее почувствовал, чем увидел, что дорога пошла вверх. Темный овал бугра постепенно опускался, и словно из-под земли вырастал силуэт "STATION-MASTER". На фоне холодного свечения горы дом напоминал часовню или избушку на курьих ножках, которая от стылого холода эти самые ножки поджала под себя.

Поднявшись до пожухлых кустов, я остановился, огляделся по сторонам, но мало что увидел и пожалел о том, что не захватил с собой спички или зажигалку. Лунный свет, на который я надеялся, либо вовсе не проникал в это ущелье, либо проникал ненадолго и строго в определенное время, как сеанс связи с Катманду.

Если бы не знакомые мне бочки, выполняющие роль античных колонн, мне пришлось бы долго искать дверь. Как я и ожидал, трухлявая перегородка охранялась горбатым Буратино, которого я вежливо отшвырнул ногой. Зайдя внутрь помещения, где было темно как в могиле, я начал продвигаться по периметру вдоль стены, пока не нащупал штору, отделяющую заветный угол.

И только когда я сел на стул перед радиостанцией и нащупал тумблер включения, то вспомнил, что электрификация этой деревне еще только снится в сладких снах, и коммуникационный гроб времен английского колонизаторства рабо-

тает от генератора, который стоит на улице в собачьей будке.

Надо было видеть, как я схватил себя за волосы, взыв дурным голосом! Генератор, если я его заведу, наполнит спящую деревню таким оглушительным треском, что на Ледовой Плахе проснутся клаймберы в своих высотных палатках. И нет никакой гарантии, что инспектор не войдет в служебный экстаз и не кинется за мной в погоню на одной ноге.

Я сидел перед станцией и решал дилемму: связываться с Хэдлоком или же сохранить отношения с инспектором в удовлетворяющем обе стороны вакууме. Конечно, очень соблазнительно было услышать протяжно-ленивый голос Родиона и в крепких выражениях высказать ему, что не по-товарищески оставлять меня на высоте семь двести без кислорода и жратвы. Опустив подбородок на кулак, я стал думать над тем, как грохнуть двух зайцев сразу: и станцию включить, и вовремя ноги унести.

Пока я думал, ноги уже вынесли меня на улицу. По кабелю я добрался до будки, нащупал рукоятку запуска с тросиком, подбодрил себя тем, что это не бог весть какой криминал, и рванул ручку на себя.

Генератор завелся, как разбуженная сторожевая собака. Треск оглушил меня, и я до каждого нервного узелка прочувствовал масштабы своего хулиганства. Бегом к двери! Удар лбом о косяк. Табурет с грохотом упал на пол. Шторка на веревке треснула, как сарафан девки под гусаром... Я ошупывал приборную панель. Генератор заливался треском буд-

то воем сирены. Я надавил на тумблер. Внутри станции, за мутными стеклышками, медленно забрезжил рассвет. Лампы накаливания лениво сосали энергию. Я начал вращать ручку настройки. Хэдлок, шестьдесят шесть и две десятых мегагерца... В наушниках что-то треснуло. Я прижал к губам микрофон и надавил на тангенту.

– Хэдлок! Примите срочное сообщение! Хэдлок! Хэдлок!

Я так и не понял, ответил мне кто-то или нет. Генератор вдруг заглох, и помесь шума и голосов в наушниках стала быстро стихать, лампочки затухли, как в кинозале, и станция опять растворилась во мраке. Не успел я вскочить со стула, как мне в глаза ударил яркий луч света. Несколько сильных рук вытолкнули меня из помещения на улицу. Я не сопротивлялся и даже проявлял инициативу, помогая молодым и разогретым ракшей шерпам вести себя к инспектору.

Я неплохо позабавил деревню. Жители многих домов вышли на улицу и, завернувшись в одеяла, стояли по обе стороны дороги живой изгородью. Видя мое раскаяние и желание содействовать органам правопорядка, мои конвоиры перестали усердствовать, и я мог шевелить и даже помахивать над головой руками.

Свернув с главной улицы, мы подошли к двухэтажному дому с длинным балконом, протянувшимся вдоль всей стены под крышей. Узкий вход прикрывал сверху кусок жести. Дверь была открыта, и на пороге уже был выставлен трон для носителя справедливости и возмездия. Инспектор, заверну-

тый в одеяло, был свиреп. Наверное, его разбудили совсем недавно, может быть, в тот момент, когда я запустил по гималайским ущельям первый пучок радиоволн.

– Ну в чем дело? В чем дело? Ну в чем?! – обрушил он на меня лавину вопросов, которые ровным счетом ничего не означали.

Конвоиры за моей спиной вполголоса комментировали мой поступок. Они говорили на непали, но меня это не смущало, и я соглашался с их комкообразной речью, кивая.

– Да, господин инспектор, я самовольно воспользовался станцией.

– Но зачем? Мы же с вами уже все решили! Я доложил так, как вы хотели! Ну что еще?

Один из шерпов снова вставил короткую фразу, и я разобрал слово "Хэдлок".

– Что? – недовольно воскликнул инспектор. Он сверкал в темноте сизыми белками глаз, переводя взгляд с меня на шерпов. – Опять Хэдлок? Что это значит? Почему Хэдлок?

– Не могу больше лгать вам, инспектор, – исповедывался я. – В Хэдлоке на строительстве дороги работает англичанка, инженер из Ливерпуля. Мы с ней уже четыре года переписываемся...

– Какая дорога? – опешил инспектор и зашевелился в своем коконе из одеяла. – В Хэдлоке и тропы нормальной никогда не было. Горные козлы себе ноги ломают!

Врал я всегда вдохновенно, но малоубедительно. Обычно

мне безоговорочно верили только одинокие женщины, мечтающие о большой и чистой любви. Перед инспектором я выдохся окончательно и принялся молча вытряхивать пыль из своих карманов.

– Идите к себе! – сердито приказал инспектор. – Утром с вами поговорю.

Я пожелал присутствующим спокойной ночи и пошел в отель. До того, как свернуть за угол, я дважды обернулся. Конвоиры и инспектор не сводили с меня глаз. "Как все это мне надоело!" – подумал я, мечтая забраться в спальный мешок с головой, уснуть покойническим сном и проснуться только в усадьбе князя Орлова, в ажурной беседке, на которой играют в догонялки тени берез, и где вечный оптимист и чудак Святослав Николаевич прогуливается по гаревым дорожкам, выбирая среди деревьев подходящую натуру, и что-то бормочет на старославянском.

– Вами интересовался мальчик, – сказал мне китченбой, едва я занес ногу на ступеньку, чтобы подняться на второй этаж отеля.

– Кто? Мальчик? Какой еще мальчик? – не поверил я своим ушам.

– Это сын портера, который живет на краю деревни в каменном доме, – пояснил официант. – Там у него лавка по продаже горной обуви.

Я передумал подниматься наверх.

– И что спросил этот мальчик? – с неприятным осадком

в душе выяснял я.

– Он спрашивал, проживает ли в отеле русский альпинист Стас Ворохтин и когда вы будете у себя.

– И что потом?

– А потом он убежал.

– Куда?

– Туда, – махнул в темноту китченбой.

– У тебя водка есть? – спросил я, прислушиваясь к своим ощущениям. В душе был беспорядок, и я надеялся поправить этот недостаток проверенным способом.

– Ракша, сэр!

– Налей ракши.

Я выпил из кружки, встал на пороге "гаража", всматриваясь в темноту. Гулять в потемках по деревне не хотелось, но любопытство пинками гнало меня вперед. Сунув в руку официанта несколько смятых рупий, я пошел по улице, на сей раз в противоположную от "STATION-MASTER" сторону. Конечно, мальчика кто-то подослал, думал я, поднимая ногами невидимую пыль – ее можно было только почувствовать по запаху. А курьера посылают только в двух случаях: когда очень лень идти самому, и когда не хочется оставаться в памяти свидетелей.

Я думал о том, насколько вероятно, что это чудачила Татьяна. Надо ли ей было выяснять то, что очевидно? Куда я мог понести инспектора, как не в деревню? И не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться: русский, посе-

лившийся в "Яке", это Стас Ворохтин, он же единственный русский альпинист во всей деревне...

Я был так увлечен поступком загадочного мальчика, что перестал ощущать свое движение по улице, и быть может поэтому не сразу обратил внимание на темный контур человека, который появился рядом со мной, отстав всего на полшага. Я машинально остановился, чтобы пропустить его вперед, но человек, словно был моей тенью, тоже замер в темноте, затем рядом что-то просвистело, и меня ослепила тупая боль в голове. Кажется, я успел крикнуть.

Потом был полный провал.

* * *

Штормило, меня укачивало, к горлу подкатывала тошнота, и я морщился, качал головой, но все никак не мог открыть глаза.

– Выпей, выпей! – говорил кто-то рядом, и я чувствовал, как мои зубы стучат о металл.

Я с трудом воспринимал пространство вокруг себя. Трудно сказать, сколько усилий мне потребовалось на то, чтобы определить, что я лежу на дощатом полу, а надо мной, словно ангелы, порхают рукава и подолы одежды, и оттого по лицу прогуливается сквознячок.

Приоткрыв глаза, я увидел лицо Татьяны. Без налобной повязки оно казалось бесстыдно голым. Девушка держала у

моего рта кружку и заставляла что-то пить.

– Ты что... – с трудом произнес я, едва ворочая распухшим языком. – Обалдела... Чем ты меня ударила?.. Убери кружку!

За ее спиной звездно мерцали круглые глаза китченбоя. Он мял в руках мокрое полотенце, не зная, на что его наматывать.

– Это не я тебя ударила, – мягко возразила Татьяна, убирая кружку от моего рта и внимательно глядя мне в глаза. – Ты вообще ничего не помнишь?

– А кто же меня ударил?..

– Не знаю. Я только слышала, как ты крикнул. Пошла по улице и увидела тебя лежащим...

Я приподнял голову и завел руку под затылок.

– Мозги, наверное, вытекли, – простонал я, нащупав болезненное место. – Дайте руку, какого черта я тут как ворсистый ковер...

Китченбой едва успел поддержать меня. Меня качало. Доски под ногами ходили ходуном, словно палуба фрегата во время шторма.

– Кожа немного рассечена, – сказала Татьяна, рассмотрев мой затылок.

– Ты не видел, кто меня шарахнул? – спросил я у официанта.

– Нет, сэр, я в это время был на кухне, – ответил китченбой. Он был так напуган, словно ждал от меня ответного уда-

ра, и вздрагивал, если я делал резкое движение.

– Ну, конечно! – проворчал я, выдергивая из рук официанта полотенце и прикладывая его к затылку. – Никто ничего не видел. А мне в десяти метрах от гостиницы едва голову не проломили... Лед у тебя есть?.. То, что его на Джомолунгме до хрена, это я и без тебя знаю, но мне нужен не айс-шелф⁹, дружище, а айс фо коктейл. Понимаешь?

Я сел на стул. Боль неприятно пульсировала на затылке, словно меня методично шлепали мухобойкой. Татьяна с чашкой кофе маятником двигалась передо мной, как-то странно поглядывая на меня. Официант, дабы не нарываться на новые упреки, исчез на кухне. Я сидел в позе роденовского "Мыслителя", с той лишь разницей, что одной рукой прижимал к ране полотенце. Деревня, увязнув в темноте, хранила свои тайны.

– Не знаю, насколько ты замаял конфликт с инспектором, – произнесла Татьяна тихо, – но я бы не стала полностью исключать его...

– Ладно! – сердито махнул я рукой. – Не старайся. Все равно я не верю ни тебе, ни инспектору, ни этому разносчику мороженных лямблий. Я тут всем мешаю.

– Зачем ты станцию включал?

– О! Вся деревня уже в курсе дела. Этой темы для обсуждения должно хватить на месяц.

– Лез куда не надо, вот и получил, – сделала вывод Татьяна.

---

⁹ Ледник.

на.

Я пялился на ее шерстяные колготки, которые плотно обтягивали ноги, на свитер грубой вязки, достающий до колен, на эту уютную человеческую кошку с розовым носом и чувствовал, что в хитрости и тьме души заметно ей проигрываю.

– Понятно, – кивнул я и тотчас поморщился от боли. – Это сделал или инспектор, или начальник станции... Словом, кто угодно, но только не ты.

– Очень ты мне нужен, – фыркнула Татьяна и звякнула чашечкой о блюдце. – Мне от тебя ни вреда, ни пользы.

– Нет-нет! – возразил я. – От мелкой пакости так иногда сладко на душе бывает! Разве у тебя ни разу не возникало желания ударить меня по голове?

– Возникало, – созналась Татьяна. – Но не думаю, что тебе желали всего лишь мелкой пакости... Ты хорошо рассмотрел свою рану в зеркало? Если бы орудие пошло не по касательной, твой череп раскололся бы как грецкий орех.

– Хватит пугать, – буркнул я. – Считай, что ты меня морально раздавила. Но хочу на всякий случай предупредить: не позднее завтрашнего утра я узнаю, кто это сделал. Если кто-то из местных, по приказу инспектора, то я заставлю его скакать, как одноногого тушканчика, прямо во дворец правосудия. Ну, а если... Впрочем, хватит страшилками перекидываться.

– Почему же! – оживилась Татьяна. – Мне очень интересно, что ты сделаешь со мной?

– Попытайся догадаться. Даю три попытки!.. Нет, милая, ты меня не знаешь, и даже предположить не сможешь, насколько кара будет страшна... Будь другом, смочи полотенце!

Татьяна тотчас встала, подошла ко мне, взяла меня за чуб и наклонила голову так, чтобы видеть затылок.

– Полотенце тебе больше ни к чему, – решила она, вернулась за свой стол, раскрыла молнию на походной аптечке. – А почему ты так уверен, что я тебя совсем не знаю?

Она перебирала тюбики с мазями, близко поднося их к глазам, чтобы прочесть название. Плохое зрение, подумал я. С такой близорукостью запросто можно промахнуться даже с двух шагов.

– А что ты можешь обо мне знать? – пожал я плечами. – Имя, фамилию, пол, спортивный разряд... Что еще?

Девушка вертела в руках тюбик с синтомицином.

– Не только это, – произнесла она медленно, будто моя биография мелким шрифтом была напечатана на тюбике. – Я знаю, что год назад ты работал начальником контрольно-спасательного отряда в Приэльбрусье и сотрудничал с органами госбезопасности... Знаю, что у тебя были неприятности из-за связи с какой-то немкой... Потом ты работал в частном сыскном агентстве и тренировался на скалодроме в люберецкой спортивной школе... В составе российской команды ходил на траверс Дхаулагири. Потом вместе с американцами восходил по южному склону Лхоцзе, где и познакомился с

Родионом... Потом он предложил тебе поработать высотным кинооператором, а в свободное от съемок время заняться реставрацией усадьбы в Араповом Поле. Я не ошибаюсь?

Она кинула на меня вопросительный взгляд. Я не то что был удивлен. Я словно под лед провалился вместе со стулом и раной на затылке, и стремительно погружался в ледяную воду. Надеть на физиономию гипсовую маску невозмутимости мне никак не удалось – щекам, ушам, глазам было очень тесно.

"Князь, однако, болтун, – подумал я, испытывая неприятное чувство, словно на мне из одежды были только рваные носки. – Но о сотрудничестве с органами, по-моему, даже он не знал."

– И как тебе удалось все это разнюхать? – спросил я, стараясь не показывать, что осведомленность девушки меня задела.

– Святослав Николаевич кого попало на должность писмоводителя не взял бы, – легко ответила Татьяна, вскрывая упаковку со стерильным бинтом.

– Ну, хорошо, – проглотил я. – Обойдемся без саморекламы... Эй-ей! Ты этой мазью мне все волосы вымажешь!

Татьяна растирала вокруг раны синтомицин.

– Я не знаю, чем еще надо вымазать твои волосы, чтобы они стали грязнее, – ответила она.

– Только, пожалуйста, без оскорблений, умная ты моя и осведомленная!

Она связала узлом концы бинта, отошла от меня на шаг и полюбовалась на свою работу.

– Просто прелесть! Только одно ухо у тебя стало больше другого.

Она испортила мне настроение. "Что она может еще знать обо мне? – думал я. – А про Столешко и Родиона? Неужели ей известно про Игру? Но для чего в таком случае она валяет дурочку?.. Зачем же ты ее сюда прислал, Святослав Николаевич?"

– Одолжи пистолет на ночь, – попросил я.

– Он тебе не поможет, – с совершенно серьезным видом ответила Татьяна, складывая лекарство в сумочку. – К тебе же запросто можно подойти и ткнуть чем-нибудь тяжелым по голове. Тебе что пистолет, что танк, что авианосец – все без толку.

– Я вот все думаю, – произнес я. – Твои услуги в качестве письмоводителя как оплачиваются? Как на Тверской – сто баксов в час, или дешевле?

Татьяна оставила аптечку на столе, подошла ко мне, внимательно посмотрела на мои глаза, повязку, губы, словно хирург, который выбирает, что отрезать в первую очередь.

– Ты пока больной и тебя надо жалеть, – сказала она, улынувшись. – Будем считать, что пощечина остается за мной.

Глава двенадцатая

Титановый клюв

Спал я плохо. Какая-то копытная живность, поселившаяся в одном из номеров первого этажа, пугливо фыркала, чавкала и топталась по полу, отчего отель резонировал, как высушенный аль-уд под лопнувшей струной. Помимо этого всякий раз, когда я поворачивался с бока на бок, давала о себе знать рана на голове. Повязка в конце концов съехала мне на шею и начала душить. Я несколько раз вставал и выглядывал в коридор, прислушиваясь к ночным звукам, происхождение большинства из которых не мог определить. В итоге, в самой сердцевине ночи, я задел саморучно изготовленное сигнальное устройство в виде натянутой над полом лески, привязанной к кружке с ложкой. От грохота алюминиевой посуды где-то в горах сошла лавина.

Едва ущелье стал заполнять матовый рассвет, я оделся и спустился вниз. Татьяна уже сидела за столиком с чашкой кофе, листая старый журнальчик. Смотреть на нее было приятно: лицо свежее и легкое, волосы аккуратной шапочкой облегли контур головы, а нижние "рваные" края обнимали шею словно шарфик. Невольно сравнивая с ней себя, я посмотрел в зеркало над умывальником и едва не разбил его. Глаза подпухли, на шее – шарфиком – болтается окровавленный

бинт, по лбу и щеке проходит розовый "шрам" от подушки. Готовый персонаж для фильма ужасов.

– Привет! – сказала Татьяна и вскинула вверх руку. – Как голова?

– Затылочная часть приклеилась к подушке, – буркнул я, намыливая лицо.

– Ты в самом деле плохо выглядишь, – уколола Татьяна.

– Могла бы, между прочим, поддержать морально, – проворчал я. Мыло разъедало глаза. Вода – талый лед – смывала пену плохо.

– Папа и мама учили меня всегда говорить правду.

– Плохо учили...

Растирая лицо и шею жестким полотенцем, я хотел сесть за соседний столик, но Татьяна положила перед собой небольшой продолговатый предмет, завернутый в кусок черного полиэтилена, и сказала:

– Это тебе сюрприз.

– Не много ли сюрпризов для одной деревни? – задал я риторический вопрос и поймал себя на той мысли, что рад подвернувшемуся поводу сесть рядом с девушкой.

Я опустил на шаткий стул и придвинул сверток к себе. Развернув пленку, я взял в руку титановый клюв ледоруба с привязанным к нему метровым куском альпинистской веревки. С минуту я рассматривал килограммовую чушку со всех сторон, потом поднял взгляд на Татьяну.

– Это утварь для ритуального самоповешения альпини-

стов? – предположил я.

– Эту штуку я нашла недалеко от того места, где тебя ударили, – ответила девушка. – Конец веревки запутался в решетке забора, и клюв, видимо, вырвало из рук злоумышленника, когда он убегал.

Теперь я смотрел на орудие нападения другим взглядом, почти родственным.

– Очень просто и удобно, – комментировала Татьяна. – Раскручиваешь ее над своей головой, а потом сносишь голову противнику. Нечто похожее – булыжник на веревке – с успехом пользовали некоторые племена каннибалов в Новой Зеландии. Они называли это орудие мэром.

– Что ты говоришь! – порадовался я познаниям девушки в области этнографии. – Говоришь, с успехом пользовали?

Клюв был аккуратно свинчен с рукоятки. Веревка проходила через его внутреннее отверстие и была связана петлей Гарда – классическим альпинистским узлом.

– Не думаю, что здесь можно кого-либо удивить ледорубом или узлом, – вслух подумал я. – В каждом дворе, наверное, целые склады старого снаряжения.

– Не уверена, что этот клюв слишком старый, – на удивление к месту возразила Татьяна. – Я, конечно, не слишком разбираюсь в снаряжении, но такие анатомичные ледорубы "Камп" выпускают, по-моему, сравнительно недавно, и у местных они вряд ли могут быть.

Китченбой поставил перед нами тарелки с рисом, сдоб-

ренным каким-то соусом, и кружки с теплым молоком. Я тронул его за руку и объяснил, показывая на клюв, что хочу купить ледоруб такого же класса или рукоятку к нему. И без того суетливый, парень кивнул и улетел в свои апартаменты атакующей пчелой. Через несколько минут он вывалил на пол у моих ног с десятков еще вполне пригодных ледорубов и ледовых молотков. Едва я взглянул на них, так сразу понял, что Татьяна глубоко заблуждается. Я поднял с пола и протянул ей превосходный образец – ледоруб "Хайпер Кулуар", последний писк моды итальянской альпиндустрии.

– Трофеи, – сказал я, перебирая ледорубы. – Богатые экспедиции после восхождений бросают "железо" на леднике, чтобы не тащить вниз, а портеры собирают и продают менее богатым экспедициям... Спасибо, дружок, все это для меня слишком дорого, – объяснил я китченбою и поднялся из-за стола.

Мне показалось, что Татьяне очень хочется составить мне компанию, но она боится навязать мне свое общество, а я не захотел проявлять инициативу. Кажется, мы вдруг испытали неловкость оттого, что едва улеглась неприкрытая ненависть, как на ее месте стал пробуждаться интерес друг к другу. И мы невольно стали тормозить и растягивать эту метаморфозу чувств.

Я дошел до конца деревни, и там при помощи английского и жестов узнал, где живет портер с сыном. Но мне снова пришлось пережить удар по голове, правда, на этот раз психоло-

гический. Дом портера оказался пуст, вся семья рано утром направилась в Биратнагар за покупками, а до него – больше сотни километров. Кто посылал мальчика узнать обо мне, я вряд ли теперь смогу узнать.

Когда в удрученном настроении я вернулся к отелю, меня пудовым взглядом, от которого тотчас стали подгибаться ноги, встретил инспектор. Он сидел в глубоком плетеном кресле, его поломанная нога была накрыта клетчатым пледом, отчего инспектор напоминал президента Рузвельта. Выгнув дугой одну бровь, он на мое "гуд монин" ответил нестандартно:

– Что с вами случилось? Почему сразу мне не доложили?

– Как я мог вам доложить, – вспльчиво ответил я, – если был уверен, что это по вашей просьбе меня тюкнули по затылку ледорубом?

– Что? – обалдел инспектор и дернулся в кресле. – По моей просьбе?!

Мне казалось, что будь в его руке клюка, он обязательно засвистел бы ее мне в голову. Никак не могли мы с инспектором сойтись характерами.

– Значит так, – шлепая мясистыми влажными губами сказал инспектор, грозя мне коричневым, похожим на обрубок высохшей лозы пальцем. – До прибытия вертолета находится в своей комнате! Подготовить мне подробную объяснительную – зачем включал радиостанцию, что говорил, с кем говорил и почему ходил по деревне поздно вечером. Я пре-

дупреждал вас! – распалялся инспектор, тряся лозой. – Вы упрямитесь и продолжаете вести себя вызывающе!

– Простите его, – зачем-то заступилась за меня Татьяна, щелкая фисташки и сплевывая скорлупки в кулачок. – Он больше не будет.

– Знаешь, кто меня больше всего волнует? – сказал я девушке по-английски, чтобы инспектор меня понял. – Наш пилот. Если его снимут со склона раньше, чем нас, то он расскажет, как инспектор прострелил маслопровод. Потом начнут допрашивать нас с тобой. А мы с тобой подтвердим это, так ведь?

– Вертолет – это очень дорого, – согласилась Татьяна, угощая меня орешками. – До конца жизни можно не расплатиться.

Мы стали лужгать хором. Инспектор издал неопределенный звук, с каким движется тяжелый книжный шкаф по паркету, и махнул рукой своим рабам.

– Он не упустит удобного случая свести с тобой счеты, – сказала Татьяна, глядя вслед шерпам с носилками, на которых разгневанным императором восседал инспектор.

– Если уже не пытался свести, – уточнил я, коснувшись рукой больного затылка, и кинул на девушку многозначительный взгляд. – Или я ошибаюсь?

Она поняла меня так, как надо было, отчего усмехнулась, качнула головой и, убирая челку со лба, сказала:

– У меня есть железное алиби, что это сделала не я. Но

оправдываться нет необходимости. Ты не так опасен, как мне казалось раньше.

Нормального мужчину, на мой взгляд, должно оскорбить заявление о его безопасности – это сродни упреку в мужской несостоятельности. Я принял воинственную позу, подбоченив руки и навесив на свой взгляд гири амбиций.

– Что значит не так опасен? – спросил я. – Что значит не опасен? Ты уже не боишься, что князь уволит тебя за то, что ты плохо опекала Родиона?

– Нет, не боюсь! – Татьяна смотрела на меня лукаво, словно заигрывала. Ее ледниковые зубы беспощадно расправлялись со скорлупой фисташек, словно с моей напыщенной воинственностью. – Ты же сам прекрасно знаешь, что как раз *именно за это* он меня не уволит. Или я ошибаюсь?

Она либо знала все про Игру, либо брала меня "на пушку". Я понял, что не в моих интересах развивать с ней эту тему. Я должен был убедиться, что Татьяна действительно та, за кого себя выдает – писмоводитель, то есть, секретарь князя, которой доверено многое.

– Вчера за ужином начальник станции рассказал мне, о чем инспектор доложил в полицию, – сказала Татьяна, глянув по сторонам. – Не думаю, что в России на этом основании будет возбуждено уголовное дело. Знаешь почему? Потому что экспедиция по поиску трупа Родиона на Ледяной Плахе и спуску его вниз обойдется нашему МВД в несколько миллионов долларов. Проще заплатить тебе, чтобы ты не

поднимал шума, или... Или сам знаешь, как еще можно закрыть тебе рот. Для тебя будет лучше, если ты закроешь его сам.

– Спасибо, – кивнул я. – Я обязательно воспользуюсь твоим советом.

– И еще, – помолчав, добавила девушка. – Если ты когда-нибудь, где-нибудь встретишься со Столешко, то постарайся сделать так, чтобы рядом тотчас появились свидетели этой встречи... К примеру, я.

Я внимательно смотрел в глаза Татьяне.

– Никак не могу понять, кто же ты все-таки такая, – произнес я.

– Кажется, я показывала тебе письмо князя?

– Прикрылась ты этим письмом, как фиговым листком, – проворчал я.

Видя мой нестандартный взгляд, девушка шагнула ко мне и, приблизив свое лицо ко мне настолько, что впору было начинать целоваться, выразительно произнесла:

– Я невеста Родиона. И хочу стать его женой. И родить от него ребенка. И унаследовать не только титул... Все понятно?

Я опешил от такой правды, и во мне родилось странное чувство, словно я жизнь свою проморгал, прожил зря.

Глава тринадцатая

Обновление крови

Скрыть информацию о двух пропавших без вести альпинистов и две иголки в стоге сена – не одно и то же. В аэропорту Катманду нас атаковали журналисты и спортивные радиокомментаторы. Судя по их вопросам и порочным впечатлениям жажды сенсаций на лицах, я сделал вывод, что они осведомлены о событиях на Плахе не хуже инспектора.

Инспектор с хмурым лицом раздвигал мочалки микрофонов, словно рыбак камыши. Он принял на себя главный удар, но держался с достоинством. Мы с Татьяной шли следом за плывущим на носилках инспектором, на ходу стаскивали теплые куртки и невольно увеличивали дистанцию, чтобы не быть втянутыми в информационную воронку. "Не знаю", "Это может повредить делу", "Однозначно сказать не могу", "Некорректный вопрос", – отстреливался налево-направо инспектор. Когда он вместе с носилками исчез в утробе санитарной машины, журналисты кинулись к нам с Татьяной и вмиг обступили плотным кольцом.

Прикидываясь не вполне нормальным, я свел зрачки к переносице, высунул кончик языка и надул щеки. Это помогло, и вопросы мне не задавали, зато охотно фотографировали. Татьяна же выбрала микрофон побольше, взяла его дву-

мя пальцами как бокал, наполненный до краев шампанским, и усталым голосом объявила, что несмотря на обрушившийся на высотный лагерь буран и резкое падение температуры воздуха, она до конца не уверена в гибели альпинистов. Корреспонденты, собаку съевшие на альпинистской теме, смотрели на нее как на дурочку. Скептицизм Татьяны еще сильнее убедил их в том, что душами двух клаймберов давно распоряжается бог.

– Он даже не попрощался, – сказал я Татьяне, когда санитарная машина тронулась с места и ринулась в запруженные велосипедистами и священными коровами кварталы.

– Мы ему не нужны, – ответила Татьяна, возвращая микрофон журналисту.

Было жарко. Мы вышли к украшенной флажками буддистской ступе. Шоколадная девушка с прямым пробором и голым животиком кружилась перед нами и щелкала пальцами в такт бубну. Торговцы хлопали в ладоши и ныли песню. Косматые бороды, точки во лбах, коровы, велосипеды и статуи Будды кружились вокруг нас хороводом. Татьяна купила у бритого наголо непальца силиконовую кобру со стеклянными глазами и напугала ею меня.

– Скоро первое апреля, – сказала она, вешая кобру себе на шею. – Разыграю кого-нибудь в Москве.

Торговцы замечали ее взгляд за несколько километров и загодя готовились умереть, но всучить товар. В ушах стоял шелест рупий. Татьяна приценивалась к большому медному

сосуду, предназначенному то ли для комнатной пальмы, то ли для замачивания белья.

– Как ты думаешь, эту штуку придется сдавать в багаж или можно будет пронести с собой в самолет? – спросила она.

Я не узнавал ее. Она вела себя со мной так, словно мы были знакомы много лет и никогда не конфликтовали, словно между нами не было непреодолимой стены недоверия.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросила она.

Рукав моего пуховика волочился по земле. Струйка пота щекотала между лопаток. Сумка оттягивала руку. Мне хотелось скинуть с себя все, включая прилипшую Татьяну, окунуться в ледниковое озеро, потом обернуться в белую простыню и поселиться на облаках. Я устал от игры с Татьяной. Она поддавалась мне и ждала, когда я побегу под уклон и стану самим собой. Чтобы потом взять меня голыми руками. Она выигрывала, и я не знал, какие позиции мною уже сданы.

– Почему ты так на меня смотришь?

– Ты не знаешь, где тот лес, куда уходили благочестивые брахманы, чтобы стать отшельниками?

– Разве тебе это поможет? – вопросом ответила Татьяна. – Давай лучше сходим в индийский ресторан.

– Не могу понять, – произнес я, чувствуя, что невысказанная правда осела тяжелыми кристаллами на душе и вот-вот начнет с треском осыпаться. – Как ты можешь радоваться жизни, если твой жених остался на горе? И не будет теперь

ни свадьбы, ни титула, ни наследства.

Мы стояли посреди людского потока, как два речных валуна в бурунах. Мне в затылок дышала священная корова. Дыхание ее было теплым и мокрым, как полные слез глаза иконы.

– Ты ведь тоже радуешься жизни, хотя утверждаешь, что его убили, – сказала она, глядя на меня подвижными зрачками. Затем сняла с себя кобру и повесила ее мне на шею. – Попробуй этой штукой кого-нибудь обмануть, хорошо?

Только теперь я почувствовал, насколько уже отравлен ложью. У меня началась интоксикация, как от употребления метилового спирта. Меня мутило. Живые глаза Татьяны плыли, становились друг над другом и сливались в одно целое. Родион ошибся, когда предложил мне стать его компаньоном. Точнее, это я ошибся, полагая, что самое трудное – это страховать его на стенах... Патагония – южная стена Серро Торре. Аляска – Мак-Кинли. Франция – Фурнеле и Пти-Дрю. Норвегия – Тролльвеген. Киргизия – Асан¹⁰... Глыбы камня и льда, подпирающие небо, оказались детскими кубиками в сравнении с безмерной тяжестью лжи. Каждая клетка моего лица была набита ею, как ртутью, и маленькие мешочки с ядрами, митохондриями и вакуолями трещали, качались и тяжелыми каплями оттягивались к земле.

Я повернулся и пошел сквозь Катманду, пропуская через

---

¹⁰ Эти вершины известны как объекты крайне опасного экстремального альпинизма.

себя глазастых коров, велосипедистов, торговцев и монахов. Надо держаться, думал я. Не так все страшно. Еще немного. До первого апреля чуть больше недели. И наступит день, когда ртутная капля лжи высочится из меня и упадет под ноги, и содрогнется земля, и обманутые поймут, что были обмануты, и мерзавцам откроется, что о них вытирали ноги.

Кобра слушала мои мысли, качая головой и хвостом.

* * *

Татьяна задержалась в дамской комнате аэропорта, и у меня появилось время накоротке переговорить с водителем князя, который приехал за нами в Шереметьево на хозяйском "Понтиаке". Меня интересовало одно: как Татьяна оказалась в числе приближенных к Святославу Николаевичу, и на каком основании посмела назвать себя невестой Родиона. Бутылка английского джина, которую я приобрел в "дьюти фри", помогла водителю стать словоохотливым, и он рассказал мне все, что знал.

Жаль, что князь не обзавелся письмоводителем до того, как мы с Родионом вылетели в Непал. За те дни, которые волей судьбы я провел с Татьяной в Гималаях, у меня не сложилось сколь-нибудь законченного о ней впечатления. Безусловно, это молодая особа, которой было не больше двадцати пяти, привлекала и внешностью и умом – ум ее был подвижен, родниково прозрачен и не замутнен какими-либо

признаками высшего или специального образования. Кроме того, глубинка русского севера, ставшая для нее естественным фильтром, оградила ее от той гаммы пороков, которые городская молодежь зачастую принимает за достоинства. Должно быть, это и сыграло решающее значение в выборе князя.

Оказывается, он не был исключением и, как большинство эмигрантов, отличался русофильной наивностью и чистотой надежд, словно ребенок. Он поставил перед собой цель найти в России живое воплощение народных сказок и былин, и очень скоро, как ему показалось, достиг ее. Конечно, Татьяна не носила кокошник и длинный белый сарафан до пят, не пила воду из ендовы, не хранила молоко в глиняном кувшине и не обедала из ставцов. Но зачесывала льняные волосы на прямой пробор и заплетала их в куцую косичку, была естественно румяна, ее светлые глаза заиклленно изображали лишь два неизменных выражения: восторг от процесса жизни и неподдельное изумление всему тому, что она открывала для себя впервые. Кожа ее лица, словно сугробы на лесных зимних полянах, была свежа и свободна от следов алкоголя, кофе и табака, изящный нос и пухлые губы придавали лицу девушки кукольное выражение. Она прекрасно подходила для роли Василисы Прекрасной, причем не требовала грима, искусственного румянца или веснушек – все было свое, родное.

Князь открыл Татьяну в местной нотариальной конторе,

когда она тыкала пальчиком по сенсорным кнопкам копировального аппарата и бабочкой летала по тесной комнатке. По словам водителя, старика так впечатлила самобытная красота девушки, что уже через сутки он послал ей письмо с приглашением стать его письмоводителем.

Трудно сказать, по какому пути шла эволюция мысли в голове князя и когда именно его озарила идея женить сына на Татьяне. Водитель утверждал, что слух об этом внезапно разнесся по усадьбе со скоростью пожара, и о невесте богатого наследника вскоре узнало все Арапово Поле. Родион, насколько мне было известно, за свою жизнь был женат дважды – сначала на американке, потом на аргентинке, и оба раза неудачно, так как разводы наносили болезненные удары по состоянию Орловых. По всей видимости, старик решил, что русская Прокина, в отличие от расчетливой и эгоистичной американки и бешеной аргентинки, сможет искренне полюбить Родиона, а не грядущее ему наследство, и брак этот обогатит чистым и непорочным ручьем коньячно настоянную княжескую кровь.

Но вернемся в Шереметьево. Слушая рассказ водителя о фантастической карьере письмоводителя, я все чаще поглядывал на стеклянные двери аэропорта и на часы. И когда к нам вышла ссутуленная под тяжестью сумки скорбящая вдова в черном платке, я едва устоял на ногах от восхищения мастерством перевоплощения. Водитель, не сразу узнавший Татьяну, скривил лицо, с недоумением взглянул на меня и

спросил:

– Что это с ней?

Я пожал плечами. Водитель кинулся к Татьяне. Надо было видеть, как он перед ней прогибался! Я знал его как мужика сурового, прекрасно знающего цену автомобиля, на котором он ездил, а значит и свою цену. И потому я был сражен наповал при виде такого бесстыдного лакейства. Татьяна вела себя так, чтобы водитель смог сполна проявить свое усердие и продемонстрировать верность, и при этом ничуть не стеснялась меня. Открыв рот, я смотрел, как она терпеливо стоит перед закрытой дверью машины, дожидаясь, когда водитель затолкает ее сумку в багажник, а затем откроет перед ней дверь.

– А где Родион? – спросил водитель, усадив Татьяну на заднее сидение. Он был наполнен светом самодовольства, как если бы был военным и получил очередную звезду на погоны.

Только теперь я вспомнил о своей грустной обязанности.

– Родион погиб, – ответил я и полез в машину.

Водитель долго не мог тронуться с места. Он сидел за рулем, без надобности запуская стартер и тотчас его глушил. Снова запуская и глушил. Я понимал, что в это время творилось в его голове. Он расставлял фигуры по шахматному полю усадьбы в новом порядке, и никак не мог определиться с фигурой Татьяны. Еще совсем недавно она была невестой Родиона. Невеста – без пяти минут жена, вторая полунаслед-

ница, третье лицо после князя и Родиона. А теперь? Невеста без жениха – не невеста. Просто девушка, просто писемоводитель. Какое место определит ей князь?

Наконец, водитель успокоился и взялся за ручку передач. Должно быть, он решил, что вел себя по отношению к девушке универсально, безошибочно для любого случая. Вежливость – она еще никому не вредила.

Бордовый "Понтиак Транспорт", похожий то ли на крысу, то ли на торпеду, мчался по рижской магистрали, мягко покачиваясь на рессорах. Мы с Татьяной таяли на заднем сидении, и казалось, что в длинном и просторном салоне кроме нас нет больше никого. Водитель рулил где-то впереди, почти полностью скрытый спинкой и подголовником. Наверное, раньше он был то ли автогонщиком, то ли летчиком-истребителем, и понятие быстрой езды стало для него относительным. Машина уподоблялась тяжелому управляемому снаряду.

Я рассказывал водителю о том, как с Родионом прервалась связь, как я нашел пустую палатку и обрывок веревки. Водитель цокал языком, качал головой и с любопытством поглядывал на Татьяну в зеркальце заднего вида. Татьяна молчала, не комментировала мой рассказ и не перебивала меня. Она сняла траурный платок и стала теревить красный бантик, привязанный к кончику своей тяжелой косы. В конце концов, она развязала его, распустила, превратила в мохнатый клубок шелковых ниток.

С ней что-то происходило. Казалось, что черный платок, в котором она собиралась маскарадничать перед водителем, вдруг заставил ее поверить в гибель Родиона. И мой рассказ – короткий и убедительный, и выражение растерянности на лице водителя, и унылый мартовский пейзаж, в котором главенствовали серые цвета, стали последними и самыми весомыми аргументами.

"Обломал я девочке надежду! – думал я, поглядывая на нее. – Что ж, надо учиться и горькие пилюли глотать. Надеялась, что все сложится само собой – раз, два, и богатый жених в кармане! Невеста наследника миллионера – это так зыбко и звеняще-хрупко, это бокал из тончайшего стекла, стоящий на краю стола. И у стола вдруг подкосились ножки..."

Мы проскочили Ржев. Татьяне стало жарко, и она сняла с себя пуховик.

– Что же теперь делать? – произнесла она и вдруг испуганно посмотрела по сторонам, словно ехала в общественном транспорте и пропустила свою остановку. – Господи, что же теперь делать?

Это был тот случай, когда утешить невозможно. Что я мог ей сказать? Не переживай, придет в Арапово Поле еще один миллионер – выйдешь за него. Этих миллионеров в Арапове Поле скоро как собак нерезанных будет! Ведь Арапово Поле – центр мировой иммиграции, все толстосумы земли спят и видят себя гуляющими по съезжившимся улочкам, огоро-

женным замшелыми покосившимися заборами, по которым плывет неровный колокольный лязг от пьяного звонаря.

"И с чего это вдруг князь решил отдать ее замуж за Родиона? – думал я, глядя на округлый профиль девушки. Ее открытый выпуклый лоб, чуть приподнятый кверху носик и пухлые губы почему-то хотелось вымазать в сметане, а потом слизать. – Между ними – космос. Они мыслят в разных операционных системах. Они видят мир абсолютно по-разному."

– Ты думаешь... думаешь, что надеяться уже не на что? – спросила она, мокро взглянув на меня.

Ее шерстяной свитер линял, и влажные ладони Татьяны были полны шерсти. Я держал ее руку, словно заячью лапу. Первый раз за время нашего странного знакомства она говорила со мной нормально, без злой иронии.

– А что изменить? – пожал я плечами. – Все сроки вышли. Человек не может выдержать на такой высоте больше трех дней. Даже если у него будет достаточно кислорода и еды.

– Ты говоришь правду?

– Я не хочу давать тебе пустых надежд.

– А как он умер? – спросил водитель, глядя на нас в зеркало. – Замерз?

"Если бы я дал из Катманду телеграмму, – подумал я, глядя на синие щеки водителя и его оттопыренные уши, – то не надо было бы сейчас произносить это гадкое слово."

– Нет, не замерз, – ответил я. – Его убили.

Татьяне стало плохо. Машину пришлось остановить.

Глава четырнадцатая

Единственный наследник

Князь, глядя из-под седых бровей на карандаш, который без устали крутил в пальцах, сидел в деревянном кресле за столом. На зеленом сукне стояли письменный прибор с промокашкой-неваляшкой, стакан с чаем в серебряном подстаканнике и раритетный томик Баратынского в черном переплете с золотым тиснением. И старик, и его кабинет с отполированной руками и годами мебелью напоминали экспонаты музея.

Большие напольные часы размахивали тяжелым маятником. Где-то в его недрах цокали молоточки. Мы молчали. Князь приказал собраться в своем кабинете всем своим служащим. Первой вошла и села на обшитый кожей диван Татьяна. В черном большом платке, из-под которого выглядывала косичка, она была похожа на летучую мышь с якорным канатом на шее. Я стоял лицом к книжным полкам, рассматривая измочаленные корешки, на которых едва можно было разобрать имена авторов. Между книгами и стеклом выстроился длинный ряд фигурок из кости, дерева, железа. Малахитовый Будда с животиком, похожим на арбуз, которого я привез князю из Катманду, возглавлял строй, словно был назначен командиром над остальными фигурками.

Скрипнув половицами, в кабинет вошел водитель и, зачем-то пригибаясь, словно это был кинозал, и уже шел фильм, на цыпочках прошел в угол и встал между глазурированной печью и диваном. Следом за ним, бережно сдвинув дверные шторы, вошел грузный, краснолицый конюх в светлых шароварах, рубашке навыпуск и калошах на босу ногу. Потом тенью обозначила присутствие молодая глухонемая садовница в телогрейке и белом платке. Она встала в дверях, то ли стыдясь своего вида, то ли боясь наследить на паркетe выпачканными в черноземе резиновыми сапогами. Кабинет не мог вместить всех строителей, дворников и прислуг, и последними зашли выжлятник¹¹ со своей женой поварихой. Полная, как положено по должности, женщина тотчас всхлипнула и прижала платок к красным глазам.

– Цыть! – немедленно оборвал ее Орлов высоким, почти женским голосом и стукнул карандашом по столу. – Рано пока!

Снова стало тихо. Было слышно, как шлепают по маленькой наковальне часовые молоточки. Я оперся спиной об оконный наличник и скрестил на груди руки. Орлов, ссутулив угловатые плечи и склонив белоснежную голову, смотрел прямо перед собой выцветшими голубыми глазами. Его массивный, чуть сгорбленный нос придавал лицу хищное выражение. Тонкие губы были плотно сжаты. Смятые высокие залысины покрывали морщины. Он нервным движением расстегнул верхнюю пуговицу красной атласной косоворот-

---

¹¹ Кинолог в современном переводе.

ки и очень тихо, заставляя присутствующих затаить дыхание и напрячь слух, произнес:

– Рано пока его хоронить...

Он говорил бы дальше, если бы в кабинет не заглянул высокий и длинноносый молодой человек, похожий на единицу, которую мстительно выводят учителя в дневнике безнадёжных тупиц. Рискую задеть дверной косяк, он склонил гладкую голову с волосяным хвостиком, однако нос его компасной стрелкой продолжал целиться в князя.

– Позвольте, Святослав Николаевич? – приятным голосом и артикулятивно проговорил молодой человек, сверкнув черными глазами.

Князь, казалось, даже не взглянул на дверь и, не меняя положения седой головы, ответил быстро и злобно:

– Ступай на котушок¹², наглец!

Молодой человек, не отразив обиды на умном лице, увел голову за шторы, но уже через мгновение князь изменил меру наказания.

– Закличь его сюда! – приказал он поварихе, и как только длинноносый в точности повторил свое внедрение в кабинет, хмурым голосом спросил: – Что надо? Я тебя не приглашал.

– Слухи ходят, – осторожно ответил длинноносый чуть сиплым, посаженным голосом и поскреб по щеке ломаным,

---

¹² Котушок – это устаревшее название хлева для мелкой скотины. Князю будет свойственно и впредь дурачиться и говорить в подобной манере, но читатель с легкостью обойдется и без перевода всех его архаизмов.

словно неряшливо склеенным из суставов пальцем.

– Вот, пожалуйста, – с досадой произнес Орлов, обводя взглядом присутствующих и останавливаясь на мне. – Слухи ходят... Дурь на языках сидит! Еще раз повторю: кто будет о моем сыне лясничать, того нещадно накажу. Еще ничего не проверено, а Ворохтин уже успел обарабанить по всему городу!

Я молча перенес упрек. Владелец длинного носа, охотно соглашаясь с Орловым, покачивал своей примечательной деталью и строго поглядывал на меня, будто хотел сказать, что незаслуженно пострадал по моей вине.

– Нет никаких оснований говорить о смерти Родиона, – тверже повторил Орлов и шлепнул ладонью по зеленому сукну, отчего звякнул стакан в подстаканнике. – Я уважаю Ворохтина, но уверен, что с выводами он явно поторопился. Обгодим чуток. Время все расставит по своим местам.

– Слухи о смерти оказались несколько преувеличены, – развеселился носатый. – В самом деле, с чего это мы... Мало ли кто из нас...

Орлов не нуждался в его моральной поддержке и немедленно осадил взмахом руки.

– А ты себе язык подрежь!

– Слушаюсь, Святослав Николаевич! – радостно ответил носатый, слегка склонив голову, и тотчас негромким и пересушенным голосом стал рассказывать садовнице байку по этому поводу: – У нас в день выдачи пенсии телефонный зво-

нок невозможно услышать из-за гомона бабушек. Крик стоит, как на стадионе. Так вот, заведующий говорит кассирше...

Садовница не слышала, о чем говорит ей этот человек. Она смотрела на него умными и красивыми глазами, как смотрят на утренний туман или на облака. Повариха устала выдавливать из глаз слезы и мягко зажмурилась, словно задремала стоя. Орлов придвинул к себе чистый лист, обмакнул перо в чернильницу и принялся скрипеть по бумаге. Его стремление реанимировать прошлое стоило больших нервов. Перо рвало бумагу, щелкало и брызгало чернилами. Орлов злился и негромко ругался себе под нос. Все присутствующие, кроме носатого, привыкли к чудачествам хозяина, и смотрели на борьбу князя с капризным пером с пониманием.

– Возьмите мою, Святослав Николаевич! – некстати услужил носатый и шагнул к столу, протягивая старику шариковую ручку.

Я подумал, что Орлов сейчас плеснет в лицо молодому нахалу чернила, но Орлов, до предела нахмурившись, отшвырнул перо в сторону, взял авторучку и быстро закончил письмо. Сложив лист вчетверо, он протянул его Татьяне.

– Не умирай! – на высокой ноте сказал он. – Отнеси это попу, пусть срочно отчитается передо мной по всем счетам. В первую очередь – оплата богомазам за иконостас! И сними с себя этот вдовий казинет, чтобы глаза мои его не видели!

Орлов намеревался завершить собрание служащих на оптимистической ноте. Уже повариха не по теме начала жаловаться, что поставщики вечно запаздывают с доставкой продуктов, и из-за этого она запаздывает с обедами, как я перебил ее, заставив внимание присутствующих обратить на себя.

– Я хотел бы уточнить, Святослав Николаевич, что высказал вам не только свое личное мнение, но также и официальное заключение непальской полиции.

– Что?! – с искусственным гневом воскликнул Орлов,глянув на меня так, словно я посмел произнести нечто в высшей степени неприличное. – Кто повторяет очевидные глупости, тот глуп вдвойне! Непальская полиция не знает волевых качеств моего сына!

– Со дня на день министерство внутренних дел России получит официальное уведомление, – добавил я.

Мы разыгрывали заранее оговоренную сцену. Слепая, безосновательная вера отца в то, что сын жив, должна была вызвать у присутствующих обратный эффект. Сочувствуя Орлову, они все-таки в большей степени должны были поверить мне.

– Все! – прервал меня князь и встал из-за стола. Если бы я видел Орлова впервые, то был бы шокирован его маленьким ростом. Шаркая лаптями по полированному паркету, он подошел к книжному шкафу, снял с полки увесистый том "Российская архитектура. XIX век" и протянул его мне. – Я

благодарю тебя за внимание к судьбе моего сына, но советую все же вернуться к своим обязанностям. Обрати внимание на обливистый контур крыши грота, и постарайся установить стропила под большую нагрузку по всем законам физики и строительства.

Я внимательно посмотрел в глаза князя, уже научившись читать в них комментарии к словам, но Орлов глаза отвел, хлопнул меня невесомой ладошкой по груди и сказал:

– Ступай, братец, ступай!

Рядом с узкой дверью образовалась минутная толчея. Носатый, пропустив вперед себя садовницу, оказался передо мной.

– Что это на вас нашло? – спросил он, нетерпеливо выковыривая сигарету из пачки.

У меня не было желания развивать тему с незнакомым человеком, и я лишь прошелся пустым взглядом по его лицу, больно споткнувшись о нос. Мы вышли в длинный и узкий коридор, стены которого были увешаны пейзажами художника. Я нарочно приостановился у "Туманного рассвета на берегу Двины", чтобы увеличить дистанцию с носатым, но тот, как назло, тоже замедлил шаг, любуясь моим вниманием к полотну.

– Увлекаетесь живописью?

– Что ж ты грех такой на душу берешь? – спросил меня не по годам стройный выжлятник Палыч, проходя мимо и сокрушенно качая белой, как одуванчик, головой.

Я растерялся, не зная, на какой вопрос отвечать в первую очередь.

Мы вышли на террасу. Косой мелкий дождь залил дощатый пол наполовину, и в нем, как в матовом зеркале, отражались черные стволы еще голых яблонь. Я поднял воротник куртки и пошел между волнистых рядов невысокого плетня. Гравий шуршал только под моими ногами – носатый исхитрился идти за мной в ногу, и его шагов я не слышал. Пригнув голову, я прошел под мокрой лапой старой ели и остановился напротив грота с недостроенным куполом.

Носатый не совсем уверенно, словно не исключал возможность того, что будет побит, приблизился ко мне, самоотверженно раскуривая вымокшую сигарету. Наверное, он задел головой ветку и попал под ледяной душ.

– Покорнейше прошу простить! – вычурно обратился он, отчего меня внутренне передернуло. Мы с ним были приблизительно одного возраста, в каком принято обращаться друг другу в совершенно иной манере. Но, видимо, носатый попал под влияние чудачеств Орлова, и его неудержимо тянуло на архаичный слог.

Я ничего не ответил, раскрыл книгу на закладке и посмотрел на чертеж грота. Орлов предлагал скопировать какого-то головастика с катастрофическим соотношением нагрузки и опоры: купол по своему объему превышал несущие конструкции едва ли не в два раза. Астрономическая обсерватория, а не грот!

– Палка, палка, огурец, – произнес носатый, рассматривая облупившиеся колонны грота, – вот и вышел человек... А меня зовут Филипп, – представился он и протянул мне свою членистую ладонь. – Работаю в Сбербанке, а по совместительству – казначеем у князя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.